

Дети сплели венцы... из цветов

Игумен Иоанн (Калугин)

С 16 по 22 июля 2022 года по благословению архиепископа Якутского и Ленского Романа совместно с группой проекта «Арктический десант» я стал участником миссионерской поездки в эвенский оленеводческий стан кочевой родовой общины Кукуин в горную тундру – местность Тугудьях Момского улуса (района) Республики Саха (Якутия).

Добирались мы несколькими видами транспорта. Сначала из Якутска до поселка Усть-Нера летели на самолете 2,5 часа, потом из Усть-Неры до местности Тугудьях на «Урале» 12 часов по руслу реки (так как туда дороги нет, только направление).

Приняли нас очень радушно и гостеприимно, и вообще жители Якутии очень гостеприимный народ.

Все дни миссионерской поездки мы жили вместе с эвенами, приобщаясь к их быту и культуре. Опыт, скажу я Вам, очень полезный. Мы жили в палатке с печкой буржуйкой. По вечерам температура опускалась до +1°, а днем взлетала до +35°, так что у меня все лицо обгорело. Питались традиционной северной едой, общались с людьми, участвовали в праздничных торжествах.

Во время национального праздника встречи солнца «Эвенэк» родовые общины, которые собрались к этому дню в местности Тугудьях, попросили совершить молитву перед началом праздника. Возник вопрос, какую молитву читать? Решение пришло сразу – молебное пение о призывании помощи Святаго Духа перед началом всякого дела. Как людям, которые в своей жизни в основной массе видели священника впервые, объяснить, что это такое?

Данный молебен – по сути своей является благословением на благое дело. В традиции народов, населяющих Якутию, обряд благословения – это алгыс. До революции священники в Якутии часто совершали алгыс на национальных праздниках. Поэтому объясняя, что за молитва совершается, мы использовали слово «алгыс» как благословение перед началом доброго дела – праздника Эвенэк, объединяющего родовые общины, которые не собирались уже 25 лет.

За время нашего пребывания в стане оленеводов шесть человек искренне приняли благую весть о Христе Воскресшем и приступили к Таинству Святого Крещения.

Когда служили Божественную литургию, причастилось 12 человек – вновь крестившиеся, несколько человек из родовой общины, которые были ранее крещены в городе и те, кто приехал с миссионерской группой: врачи, преподаватели.

Вообще о том, как мы готовились к литургии можно написать отдельный большой рассказ. Но из песни слов не выкинешь. Дело в том, что при разгрузке самолета и погрузке вещей в машину пакет с просфорой потеряли, как выяснилось позже. Но людей без Святого Причастия оставить мы не могли. Совместно с сотрудником Синодального отдела по благотворительности иереем Виктором Дудкиным и монахиней Елизаветой (Сеньчуковой) мы испекли просфору в полевых условиях на печке буржуйке, экспериментируя со способами выпекания (то на водяной бане, то прямо на печи), чтобы просфора пропекалась. Печь просфоры в тундре нелегко: то

опара не подходит – холодно, то стол не выдержит выкатывания теста, то ломаешь голову о способе готовки. Но сложнее всего найти выход из ситуации, когда нет печати для просфоры... Как быть? Все просто: берешь нож, ложку и прописываешь каждое слово на просфоре! На это зрелище сошлись смотреть все члены родовой общины от мала до велика. С Божией помощью все удалось! Слава Богу, во время игуменской стажировки в Оптиной Пустыни я несколько дней проходил обучение выпечке просфор, так сказать опыт пригодился на практике. Литургию отслужили, причастились!

Приятной неожиданностью было то, что одна семья, крещенная во время нашей поездки, после литургии изъявила желание венчаться.

Их поддержала вся община, дети сплели венцы из цветов, так как в тундре венцы найти проблематично... Взрослые сделали из оленьей замшевой кожи кольца. Делали из того, что было под рукой.

Венчание прошло очень волнительно для всех... Супруги с полной ответственностью и вниманием вслушивались в каждое слово молитв, а окружающие неотрывно следили за происходящим.

После венчания молодожены позвали нас на чай в свою палатку. Они объяснили, что местность Тугудьях для эвенов священна, так как на этих горах покоятся их предки. Поэтому семья приняла решение принять Крещение, стать чадами Божиими (см. Ин. 1:12), и венчаться перед Богом с благословения предков.

В последний день за несколько часов до отъезда глава родовой общины с супругой попросили благословить палатки общины и стадо оленей. Дай Бог им сил трудиться дальше, хранить культуру и традиции, передавать опыт детям и умножать поголовье оленей.

Прощались мы уже выученными словами на якутском и эвенском языках как хорошие друзья, обнимались, долго махали руками. Приятно было слышать от членов родовой общины, что нас ждут еще.

Шли по правильному пути и делали Божие дело!

Состоялась конференция «Святитель Иннокентий (Вениаминов) и культурное наследие народов России и Америки»

В Иркутской епархии прошла Всероссийская научно-практическая конференция «Святитель Иннокентий (Вениаминов) и культурное наследие народов России и Америки».

15 июня 2022 года пленарным заседанием Всероссийской научно-практической конференции «Святитель Иннокентий (Вениаминов) и культурное наследие народов России и Америки» открылись юбилейные мероприятия в честь 225-летия со дня рождения известного миссионера.

Форум, который проходил в отделе истории Иркутского областного краеведческого музея имени Н.Н. Муравьева-Амурского, посетил митрополит Иркутский и Ангарский Максимилиан.

Директор музея Сергей Ступин отметил, что данная конференция проходит в третий раз в рамках сотрудничества Иркутской епархии, Иркутского областного краеведческого музея и Культурно-просветительского центра имени святителя Иннокентия (Вениаминова), который действует на родине святителя в селе Анга уже пять лет.

В этом году исследователи из Москвы, Белгорода, Екатеринбурга, Иркутска, Благовещенска, Хабаровска и Южно-Сахалинска представили более 30 докладов о личности святителя, его жизни, трудах и просветительской деятельности.

Министр культуры и архивов Иркутской области Олеся Полунина в приветственном слове отметила: «Важно экспертное участие и профессиональное мнение, которое прозвучит здесь, поскольку то, что святитель Иннокентий – уроженец Иркутской земли, для нас не только предмет гордости, но и большая ответственность. История культуры в нашей стране самым тесным образом связана с деятельностью Русской Православной Церкви и ее выдающимися деятелями. И святитель Иннокентий (Вениаминов) – один из них».

«Нужно, чтобы пример владыки Иннокентия был плодотворным для нашего общества. Этот человек был настоящим гражданином, патриотом и образцом профессионала в своем деле, – подчеркнул в своем выступлении митрополит Максимилиан. – Его жизнь и труды требуют, конечно, самого пристального изучения, а также воплощения в современности».

В докладах первого дня конференции были представлены материалы о жизни и деятельности святителя, его семье и родственниках.

«Митрополит Иннокентий (Вениаминов) и митрополит Макарий (Невский) – русские миссионеры» -– Лев Михайлович Анисов, член Союза писателей России (Москва);

Лев Михайлович Анисов

«Административная и просветительская деятельность свт. Иннокентия (Вениаминова) на Камчатской кафедре (1841–1854 гг.)» – Инна Игоревна Юрганова, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)

Инна Игоревна Юрганова

«Учение о монашеском делании свт. Иннокентия (Вениаминова) в его записках Святейшему Синоду и письмах дочери, монахине Поликсении» -– игумен Агафангел (Белых), настоятель храма Святой Троицы в с. Новотроевка, Белгородской епархии РПЦ МП (Белгород);

«Семейство свт. Иннокентия (Вениаминова)» -– Тамара Александровна Крючкова, кандидат исторических наук, член Общественной палаты Иркутской обл., главный библиотекарь Иркутской областной государственной универсальной научной библиотеки им. И.И. Молчанова-Сибирского (Иркутск);

«Вклад в отечественную этнографическую на-

Игумен Агафангел (Белых)

уку свт. Иннокентия (Вениаминова), митрополита Московского и Коломенского» – Михаил Владимирович Квашнин, магистр богословия, первый проректор Хабаровской духовной семинарии РПЦ МП (Хабаровск);

«Святитель Иннокентий (Вениаминов) как возможный прототип главного героя повести Н.С. Лескова «На краю света» -– Софья Владимировна Мельникова, кандидат филологических наук, главный библиограф Иркутской областной государственной универсальной научной библиотеки им. Молчанова-Сибирского (Иркутск);

«Святитель Иннокентий (Вениаминов) – талантливый педагог, ученый, просветитель» -– Валентина Александровна Давыденко, кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой педагогики Тихоокеанского государственного университета, (Хабаровск);

«Сохранение наследия равноапостольного свт. Иннокентия (Вениаминова) на Сахалине и Курилах» -– протоиерей Виктор Горбач, настоятель храма свт. Иннокентия Московского, руководитель миссионерского отдела Южно-Сахалинской и Курильской епархии РПЦ МП;

«История деятельности миссионерских станов Верхоленского округа в конце XIX–начале XX в. по документам Государственного архива Иркутской области» – Ирина Витальевна Бондарь, главный архивист Государственного архива Иркутской области (Иркутск)»;

«Православная миссия в Иркутской епархии» – священник Никита Зверев, руководитель миссионерского отдела Иркутской епархии РПЦ МП (Иркутск).

Конференция продолжилась 16 и 17 июня в Центре имени святителя в селе Анга Качугского района Иркутской области. Программа включала в себя также экскурсии на Байкал и в Знаменский монастырь города Иркутска.

По итогам конференции будет издан сборник статей и докладов.

Цель миссионерской работы – несение слова Божия людям

Пресс-служба Иркутской епархии

Недавно по территории Иркутской митрополии прошел Крестный ход, посвященный 225-летию святителя Иннокентия (Вениаминова), митрополита Московского. Руководителем этого масштабного мероприятия стал **священник Никита Зверев**, который 8 июня 2022 года по благословению митрополита Максимилиана был назначен начальником миссионерского отдела Иркутской епархии.

Сегодня мы беседуем с отцом Никитой о ярких событиях прошедших недель.

– Отец Никита, недавно Вас официально утвердили в должности руководителя миссионерского отдела Иркутской епархии. В чем Вы видите смысл миссионерской работы? Какова ее цель и формы в нашей епархии?

– Первоочередная цель миссионерской работы – это, конечно, несение Слова Божия людям.

Восточная Сибирь – огромная территория, многие части которой труднодоступны и мало заселены. Ощущаются также недостаток священства и недостаток профессиональных священников-миссионеров.

В планах – воспитательная, информационная, апологетическая и внешняя миссия.

В нашей епархии создана коллегия миссионеров, где в каждом благочинии есть по два-три миссионера. В данный момент многие из них работают с учебными заведениями. В начале учебного года планируется заключение договора и окормление учебных заведений на постоянной основе.

Также немаловажный фактор – это работа с готовящимися ко Святому Крещению.

Ведется работа со СМИ, телевидением, работа с епархиальным сайтом и социальными сетями, работает радио «Православные беседы».

Планируется распространение листовок с информацией о праздниках и о социальных мероприятиях,

а также организация просветительской деятельности на приходах по антисектантской грамотности.

Также предполагается проведение совместных встреч и работ с сотрудниками ГУМВД РФ, с отделом по профилактике экстремистских проявлений.

Кроме того, предпринимаются усилия по организации миссии среди бурятского народа: священнослужители изучают местную культуру, язык, проводят Литургию на бурятском языке, участвуют в общих мероприятиях.

Важное значение имеет сегодня и молодежная миссия, которая включает в себя много интересных форм: проведение молодежной ночной Божественной литургии и молебнов, регулярное участие в праздниках, беседы на актуальные и духовные темы, просмотр фильмов в кинотеатрах или на приходе с последующим заданием, организация походов, экскурсий, проведение Крестных ходов и паломнических поездок.

Священник Никита Зверев

– В мае Вы принимали участие в работе Международных Рождественских чтений в Москве. Что нового и интересного удалось Вам увидеть и услышать на этом масштабном форуме?

– Главное – это новые интересные и полезные встречи и знакомства, возможность ознакомления с опытом работы других епархий.

Больше всего мне запомнились два направления. Первое – это православная миссия среди коренных, в том числе малочисленных, народов. Второе – зарубежная миссия Русской Православной Церкви.

Первое направление отлично подходит для нашей епархии, где проживают люди многих национальностей.

Каждый миссионер должен изучить внешнюю миссию. Как сказал святитель Василий Великий, «каноны не должны быть палкой в руках слепого. Они должны хранить его единение с Телом Христовым. Тогда он – миссионер – в своем служении сможет быть евреем для евреев и эллином для эллинов».

В рамках второго направления мне удалось познакомиться с японской делегацией и Российско-японским центром «От березы до сакуры», наметить общие планы совместной деятельности.

– В июне в Иркутской митрополии состоялся Крестный ход, непосредственным руководителем и организатором которого являлись Вы. Расскажите, пожалуйста, какова была его цель, какому событию он был посвящен и по какому маршруту проходил?

– Крестный ход был посвящен 225-летию со Дня рождения святителя Иннокентия (Вениаминова), митрополита Московского. Маршрут Крестного хода пролегал от места рождения святителя – села Анга – до города Братска.

Его цель – это просветительская миссионерская деятельность и укрепление сотрудничества между епархиями.

– В Крестном ходе на протяжение всего маршрута принимали участие епархиальный мужской квартет «Знамение» и звонари Спасского храма г. Иркутска. Расскажите, пожалуйста, что интересного подготовили они для жителей населенных пунктов, по которым прошел Крестный ход.

– Епархиальный квартет после молебна в каждом населенном пункте давал концерт, посвященный святителю Иннокентию Московскому и Двунадесятым праздникам церковного года. Сначала исполнялась духовная музыка, а затем русские народные песни. Также в концерте участвовали местные коллективы.

Кроме того, звонари школы звонарей «Благовестник» храма Спаса Нерукотворного Образа проводили для желающих мастер-классы по колокольному звону, а по городам Крестный ход проезжал в сопровождении колокольного звона передвижной звонницы.

– Завершился Крестный ход в Братске. Какие торжества были запланированы как финальная точка Крестного хода?

– В Братске прошли большие торжества, которые начались вечером 25 июня 2022 года богослужением в соборе Рождества Христова.

26 июня 2022 года архиерейская Божественная литургия состоялась в престольный праздник в храме Всех святых, в земле Российской просиявших. По окончании Литургии прошел городской Фестиваль колокольного звона, приуроченный к празднику Всех русских святых, который стал грандиозным событием для города. Он объединил звонарей из разных городов Иркутской и Братской епархий. Они поработали очень плодотворно: провели круглый стол, где обсудили насущные вопросы, проблемы и современное состояние звонарного искусства.

По окончании круглого стола состоялся выезд звонарей с передвижной звонницей к местам строящихся в Братске храмов, где их встречали настоятели этих храмов и будущие прихожане.

Завершился Фестиваль на площади Рождества Христова, где прошли выступления звонарей и творческих коллективов, а также мастер-классы по колокольному звону для желающих, которых было очень много.

– Как прошел Крестный ход? Что было самым трудным, интересным, вдохновляющим?

– Самым трудным был напряженный график: Литургия и три концерта в день. Очень уставали, если честно. Приходилось совсем мало спать. К Тулуну казалось, что силы совсем кончились. Но Господь милостив – всегда нем помогал.

Интересно было встречаться с новыми людьми, знакомиться со священниками разных епархий, видеть их отклик, радость, внимание. Это очень вдохновляло. Было радостно от осознания внутренней причастности к миссии святителя Иннокентия Московского.

– Сколько примерно человек пришло помолиться и поклониться мощам?

– Постоянных участников Крестного хода было 16 человек, многие присоединялись на определенных отрезках пути, потом уезжали. Думаю, если брать все пункты, которые мы посетили, то к мощам пришло 10-15 тысяч человек.

Крестный ход – в городе Зима

– Какие мысли и чувства вызвал Крестный ход?

– На протяжении всего пути Крестного хода нас переполняло чувство Благодати Божией, которая вдохновляла всех. Ощущались единение коллектива и взаимопонимание всех участников, а также доброта и благодарность людей, встречающих нас.

– Какие плоды этого Крестного хода Вы видите: для людей, для участников, для епархий, для митрополии?

– Польза огромная! Крестный ход объединил не только участников Крестного хода, но и всю митрополию.

Конечно, график был очень напряженный, но хочется выразить искреннюю благодарность всем, кто участвовал в Крестном ходе: наших миссионеров, диаконов, епархиальный квартет «Знамение», звонарей города Иркутска, казаков и всех, кто принимал нас.

– Есть ли у Вас в планах намерение повторить подобный Крестный ход? И если да, то что хотелось бы изменить в следующий раз?

– Да, мы планируем повторить Крестный ход, только по другому маршруту. Ведь идет юбилейный год святителя, и хочется рассказать о нем и его трудах как можно бóльшему количеству людей и как можно бóльшему количеству людей дать возможность приложиться к его мощам.

– Есть ли уже сегодня планы по организации интересных форм миссионерской деятельности после окончания Крестного хода?

– Мы будем созывать епархиальную миссионерскую коллегию для обсуждения итогов прошедшей работы и планов на будущее.

Недавно мы вполне успешно начали работать с учебными заведениями и хотим уже в этом году изучить план работы учебных заведений и, по возможности, заключить с ними договор о сотрудничестве: с миссионерским отделом или с Иркутской епархией.

Хотелось бы в будущем организовать епархиальную Школу православного миссионера. Территория митрополии очень большая, и миссионеров не хватает.

Также планируем плотно заняться воспитательной и информационной миссией и работать с русско-японской делегацией по организации Круглого стола, посвященного святителю Николаю Японскому, ведь в прошлом году мы отмечали 150-летний юбилей со Дня его рождения. К сожалению, тогда из-за ковида мероприятия прошли не в полном объеме, и мы хотим наверстать упущенное.

Православная миссия в Иркутской епархии

Проблемы

Актуальная проблема в Восточной Сибири, как и прежде, столкнулась с рядом сложных проблем. Распространению и укреплению православия мешали и мешают огромные пространства и редкая заселенность территории.

Сказывается недостаток священства и недостаток профессиональных священников-миссионеров.

Миссионерскую деятельность можно разбить на несколько форм: воспитательная, информационная, апологетическая и внешняя.

Воспитательная форма миссии. В епархии создана коллегия миссионеров, где в каждом благочинии по два-три миссионера. В данный момент, многие работают с учебными заведениями. В начале учебного года, планируется со многими заключение договора и окормления на постоянной основе.

Также, немаловажный фактор – это работа с ищущими Бога, с готовящимися ко святому Крещению, а также с теми, кто не получил должного научения основам христианской веры.

Информационная форма миссии. Ведется работа со СМИ, телевидением, работа с епархиальным сайтом и социальными сетями. Работает радио «православные беседы».

В дальнейшем планируется распространение листовок с информацией о праздниках и о социальных мероприятиях (рассказ о выполненных мероприятиях и планируемых, для привлечения людей к храму).

Апологетическая миссия. Создание просветительской деятельности каждого прихода для предотвращения сект и расколов.

Проведение совместных встреч и работ с сотрудниками ГУМВД РФ, с отделом по профилактике экстремитских проявлений.

Про **внешнюю миссию**, хочется начать со слова свт. Василия Великого:

«Каноны не должны быть «палкой в руках слепого», а охранять его единение с Телом Христовым, тогда он (миссионер) в своем служении может быть евреем для евреев, эллином для эллинов».

Важно направить усилия миссии на изучение культурной традиции каждой конкретной этнической группы. Для этого необходимо изучение и знание языка местного населения. Изучение психологии: общей, возрастной, социальной.

В настоящий момент проводится бурятская миссия, где священнослужители изучают местную культуру, язык, проводят литургию на бурятском языке, участвуют в общих мероприятиях.

В этом случае миссионер должен не только знать теорию, но и пройти практику.

Миссионерская деятельность может быть везде: в крупных городах, в отдаленных хуторах, на стадионе, в семье, в тюрьмах, детских домах.

Молодежная миссия

Одно из самых и важных современных практик – это молодежная миссия.

А) Проведение молодежной-ночной литургии, молебнов.

Б) Регулярное общение.

В) Просмотры фильмов в кинотеатрах или на приходе с заданием.

Г) Регулярное участие в праздниках.

Д) Разговор на равных (умение отвечать на нестандартные вопросы).

Е) Походы, экскурсии, проведение Крестных ходов, паломнические поездки.

Братская епархия с клириками Иркутской епархией проводят сплавы в труднодоступные места, где миссионеры во главе с архиереем крестят, проводят литургию и в дальнейшем окормляют жителей.

Путешествие души

Анна Виговская

Детство и юность протоиерея Максима Кузнецова прошли неподалеку от Владивостока в деревне Чугуевка. Родители его в поисках лучшей доли в «лихие 90-е» решили перебраться в Иркутск с четырьмя младшими ребятишками, а его оставили на попечение бабушки Веры. На плечи мальчишки легла не только вся мужская работа по дому, но и забота о старушке. Именно от бабы Веры он услышал первые молитвы и узнал о православии. Понемногу приобщился к чтению духовной литературы, стал вместе с ней ходить по воскресеньям и праздникам в местную церковь. Окончив школу, в 2008 году поехал к родителям. Они тогда жили в Саянске – помогали отцу Алексию строить в городе храм Всех Сибирских Святых.

– Мой папа более десяти лет, чтобы прокормить семью, гонял подержанные машины из Владивостока в Иркутск, – рассказывает священнослужитель. – Насколько это было тяжело и морально, и физически, я могу только догадываться, он никогда нам об этом не рассказывал. Но то, что большинство его тогдашних друзей через какое-то время оказались или убитыми, или умерли от наркотиков, – реальность. Поэтому, когда родители обратились к вере, это стало для них настоящим спасением.

Подав документы в Иркутский политех на факультет кибернетики, Максим попросил разрешение у отца Алексия на время экзаменов пожить в Князе-Владимирском храме. Поступил на бюджет, но учиться решил заочно, чтобы содержать себя самому. Жить при храме, признается Максим, ему тогда настолько понравилось, что «задержался» он на целых пять лет. Спустя какое-то время отец Алексий познакомил его с будущей супругой – прихожанкой храма девушкой Яной.

– Когда я работал в Князе-Владимирском храме старостой, – рассказывает священник, – отец Алексий уже руководил строительством церкви и просветительского центра в Анге. Я стал тоже бывать там постоянно. Помогал, наблюдал, учился… Помню, как покупали для Свято-Иннокентьевского храма убранство. Отец Алексий говорил: выбирай как для себя. Что бы ты хотел? В церкви ведь должно быть благолепие, поэтому я старался покупать все со вкусом, красивое. О том, чтобы принять сан, даже не думал: трудился да и трудился во благо Господа. А 8 сентября 2018 года, когда храм открылся, мне предложили стать его первым настоятелем. Благословил меня на служение митрополит Иркутский и Ангарский Вадим.

Анга – место знаковое для всего мирового православного сообщества, поэтому начинать путь священнослужителя отсюда не только почетно, но и чрезвычайно ответственно. Здесь родился будущий Митрополит Московский и Коломенский свя-

титель Иннокентий Вениаминов – миссионер, просвещавший христианской верой народы на востоке Российской империи. Теперь 28-летний протоиерей Максим Кузнецов по примеру своего легендарного предшественника возрождает в сельской глубинке основы православия.

Первая специальность – программист – пришлась как нельзя кстати. Благодаря ей настоятель не только помогал создавать сайты храма и культурно-просветительского центра, но и наполнять их интересной информацией. Совместно с Иркутским областным краеведческим музеем они теперь организуют интернет-конференции, виртуальные спектакли и различные выставки. Кстати сказать, и жена, матушка Иоанна, дипломированный экскурсовод, тоже в Анге нашла применение для своей профессиональной деятельности. Сегодня она знакомит паломников и гостей с культурно-просветительским центром, носящим имя святителя Иннокентия.

Должность настоятеля, признается отец Максим, легкой не назовешь. За годы советского духовного беспамятства люди отвыкли от веры, поэтому свою просветительскую работу в Анге ему пришлось начинать с нуля. Кроме того, батюшке необходимо заботиться о состоянии церкви, храмовом хозяйстве, организовывать помощь малоимущим семьям, а еще учиться. Сегодня отец Максим обучается на втором курсе Хабаровской духовной семинарии.

– Считаю, на меня возложена очень большая миссия, поэтому стараюсь имя священнослужителя не ронять. Пытаюсь приносить максимальную пользу, – поясняет свою точку зрения протоиерей.

Чтобы люди вернулись в храм, отец Максим во время службы проводит проповеди, беседы о Законе Божием, рассказывает о жизни святых великомучеников, для ребятишек организовывает показы фильмов и мультиков на православную тематику, а после обязательно проходит чаепитие.

– Назидания для детей не подходят, ребятишки замыкаются и не принимают их, – говорит батюшка. – Надо, чтобы ребенок был открытым, доверял, шел на контакт, поэтому стараюсь беседовать искренне, по-доброму.

Такой подход уже дает свои результаты. Сегодня, с удовольствием рассказывает отец Максим, алтарниками в Свято-Иннокентьевском храме служат три старшеклассника из Ангинской средней школы, а три девочки поют на клиросе. И те, и другие попросились сами, сказали, что хотят помогать. Научились уже и в колокола звонить, и в литургии участвовать.

В выставочных и экспозиционных залах культурно-просветительского центра имени святителя Иннокентия регулярно проходят концерты, мастер-классы, конкурсы, театрализованные представления. Ребятишки узнают, как мальчик из глухого сибирского села стал митрополитом Московским. Из чего святитель мастерил солнечные и песочные часы и от какой смертельной болезни избавил тысячи индейцев-колошей.

Планов у молодого священнослужителя великое множество. Он хочет открыть воскресную школу, открыть кружки: журналистский, туристический, фото, декоративно-прикладного творчества… А самая его заветная мечта – совместно с Иркутской епархией и администрацией Качугского района организовать морское путешествие на Аляску, чтобы пройти путь святителя Иннокентия.

– Мы уже ведем переговоры с депутатом Законодательного Собрания Николаем Труфановым, – пояснил отец Максим. – Конечно, работы предстоит впереди немало: нужно все согласовать, найти деньги, но мы не теряем надежды на благополучное разрешение. Если дело богоугодное – все разрешится.

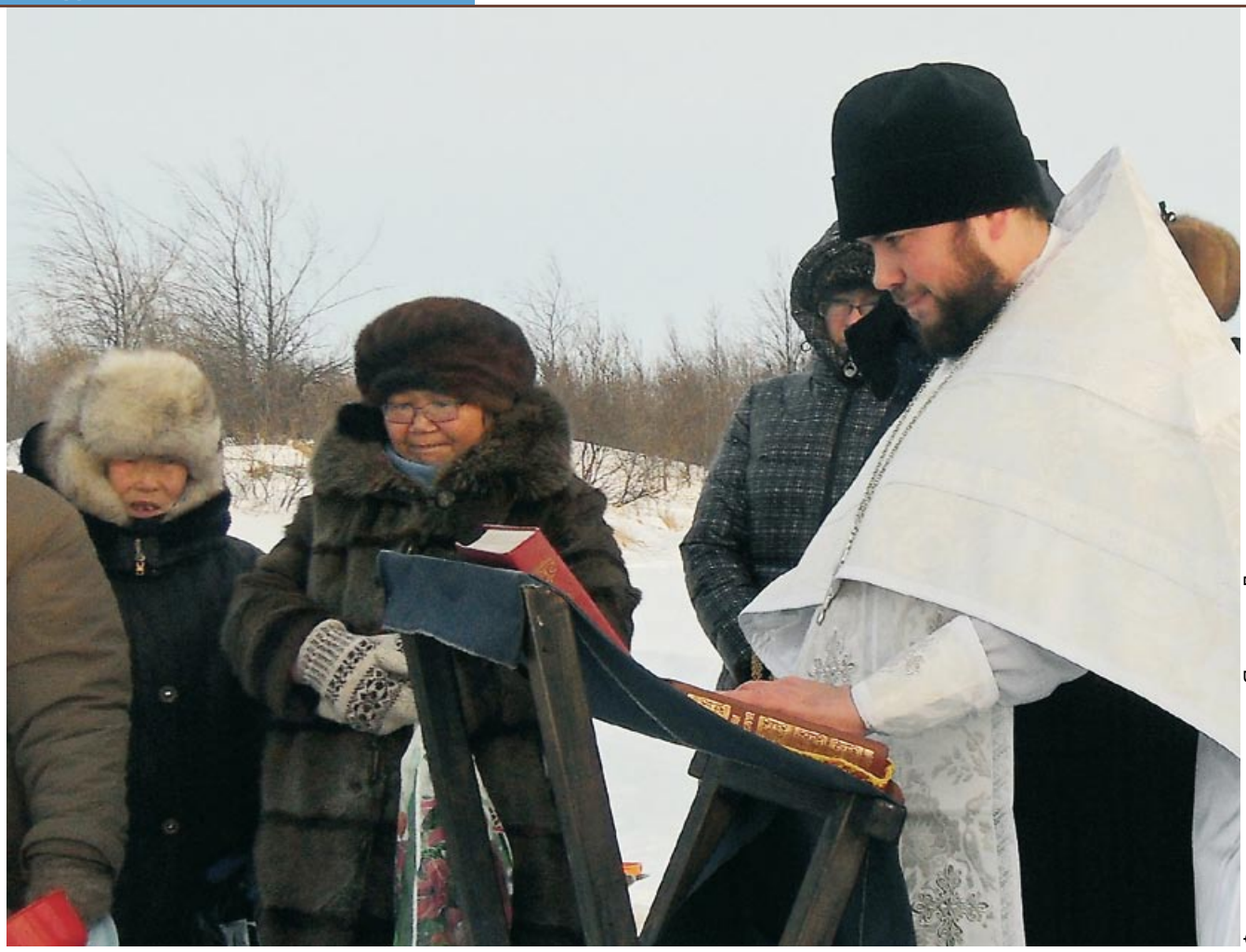

Фото из архива священника Ярослава Демедюка

Православная миссия среди коренных малочисленных народов: история и современность

Игумен Серапион (Митько)

Миссия Русской Православной Церкви среди коренных малочисленных народов Севера Сибири и Дальнего Востока исторически осуществлялась в контексте решения сопутствующих логистических, информационных, лингвистических, апологетических, культурно-антропологических проблем. Современное положение дел характеризуется значительной трансформацией данных проблем и необходимостью переосмысления целей и задач миссии. Евангелизация народов, живущих в пределах пастырской ответственности Московского Патриархата, всегда являлась важнейшей задачей и определяющим фактором формирования его канонической территории. Современное каноническое пространство Русской Православной Церкви формируется по преимуществу миссионерами, деятельность которых всегда предшествовала созданию епархий.

Миссионерское служение есть апостольское призвание Церкви, в котором раскрывается Ее вселенская природа. К нему призывает Церковь Сам Господь наш Иисус Христос: «И будет проповедано сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам; и тогда придет конец» (Мф 24:14). Благословляя апостолов на вселенское служение благовествования, Он призывает их: «Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века. Аминь» (Мф 28:19–20). Таким образом, избирая и просвещая одни народы, Господь призывает их к обращению иных народов, еще не просвещенных евангельской вестью, либо предавших ее забвению. «Цари земные и все народы, князья и все судьи земные… да хвалят имя Господа, ибо имя Его единого превознесено, слава Его на земле и на небесах» (Пс 148:11, 13). Промышляя о бытии каждого народа земли, Господь дарует ему Ангела (Втор 32:8), хранящего народ и направляющего его пути к Истине.

Русская Церковь, в лице Киевской митрополии, возникает в пределах миссионерского поля византийских и болгарских проповедников Слова Божия. Вслед за крещением восточнославянских племен Русская Православная Церковь обратила свое апостольское попечение на другие народы, приводя их к вере Христовой средствами православной миссии. Даже на самом раннем этапе миссионерское поле охватывало не только славянские, но и финно-угорские и тюркские народы. В этот период в семью православных народов вошли вепсы, ижора, водь, карелы, мурома, меря, мещера, берендеи (торки) и многонациональное население Тмутараканского княжества.

Начиная с XV в. евангелизация коренных, в том числе малочисленных народов нашей страны носит систематический характер. Проповедь Православия становится важнейшим фактором интеграции населения осваиваемых территорий в единое Русское государство. Примером такого служения является деятельность свт. Стефана Пермского, трудами которого происходит не только обращение в Православие коми-народов, но и формирование их уникальной литургической традиции, основанной на специально созданной письменности [Морозов, Симонов]. Труды прп. Макария (Глухарева) способствовали формированию единой идентичности у тюркских народов Алтая. Святитель Иннокентий Московский создал письменность для народов Аляски [1]. Его переводы на алеутский язык и написанные на этом языке богословские труды фактически наделили алеутов собственной национальной литературой [2].

За прошедшие столетия большинство этих народов были просвещены Евангельской вестью, а их представители стали верными чадами Русской Православной Церкви. При этом православные миссионеры не ставили своей целью культурную ассимиляцию и русификацию просвещаемых народов. Во многом благодаря трудам миссионеров началось систематическое изучение и сохранение языков и культурного наследия коренных, в том числе малочисленных народов, живущих на канонической территории Русской Православной Церкви. К началу XX в. православная миссия охватила практически все народы России, благодаря трудам миссионеров некоторые народы органически восприняли Православие в неразрывной связи с собственной культурой, обогатив его собственными традициями, включая богослужение на родном языке [3, гл. 3, 5, 7–11].

После 1917 г. систематическое миссионерское служение среди коренных и малочисленных народов прекратилось. Национальная политика советского государства привела к утрате многих основополагающих элементов культурной идентичности, разрушению традиционного уклада жизни, сокращению сферы использования родного языка. Важнейшим инструментом данной политики стала повсеместная практика изъятия детей представителей коренных малочисленных народов для последующего обучения в интернатах с отрывом от традиционного образа жизни. На фоне формирования нездоровых зависимостей происходила социальная маргинализация этих народов. Вместе с тем почти полное распространение русского языка и развитие инфраструктуры отдаленных регионов в значительной степени решило языковые и логистические проблемы миссионерского служения дореволюционного периода.

Возрождение миссионерского служения Русской Православной Церкви сопровождалось становлением миссии среди коренных малочисленных народов в новом формате. Деятельность Синодального миссионерского отдела по созданию миссионерских станов в местах компактного проживания коренных малочисленных народов заложила прочную основу для дальнейшей евангелизации и принесла зримые плоды. В наиболее удаленных и труднодоступных регионах нашей страны создаются миссионерские станы. В разное время были охвачены Республика Алтай, Республика Бурятия, Республика Дагестан, Республика Саха (Якутия), Республика Тыва, Забайкальский край, Камчатский край, Иркутская область, Кемеровская область, Магаданская область, Сахалинская область, Ненецкий АО, Чукотский АО, Ямало-Ненецкий АО и др. Был накоплен огромный опыт, еще нуждающийся в систематизации и осмыслении. Практика миссионерского служения принесла зримые плоды, выявив также целый ряд проблем.

Синодальные миссионеры новейшей эпохи вдохновлялись опытом своих предшественников дореволюционного периода. Однако не менее важным фактором развития миссии стало осознание коренного отличия круга проблем прошлого от современного состояния. Сегодня перед православными миссионерами стоят совсем другие проблемы.

Служение православных миссионеров дореволюционного периода было осложнено необходимостью преодоления целого ряда преград. Прежде всего было необходимо добраться до мест будущего служения (логистическая проблема). Миссия должна была быть оснащена необходимым количеством богослужебных книг, текстов Священного писания, вероучительной литературы (информационная проблема). Проповедь среди коренных народов Сибири была невозможна без знания их языков, параллельно решалась задача изучения русского языка представителями этих народов (лингвистическая проблема). Значительные культурные и этнопсихологические различия требовали глубокого исследования традиционной культуры и поиска путей ее воцерковления (культурно-антропологическая проблема). Проповедь Православия предполагала полемику с сознательными носителями традиционных верований (апологетическая проблема). Разумеется, данный список проблем не является исчерпывающим.

Очень часто современная миссия среди корен-

ных, в том числе малочисленных, народов России рассматривается сквозь историческую призму. Иначе говоря, восприятие целей и задач миссии и методов миссионерской работы осуществляется по аналогии с опытом прошлого. Однако за прошедшее столетие многое изменилось. В значительной степени устранена логистическая проблема. Несмотря на то, что транспортная инфраструктура данных регионов далека от совершенства, логистика более не является труднопреодолимой проблемой. Возможность транспортировки богословских и литургических текстов на электронных носителях и распространение интернета полностью снимает с повестки дня информационную проблему. Почти всеобщее владение русским языком в среде коренных, в том числе малочисленных, народов отодвигает на второй план также лингвистическую проблему. Высокая степень интеграции данных народов в русское культурное пространство в значительной степени трансформирует культурно-антропологическую проблему. Утрата традиционной религиозности переводит апологетическую проблему в иной контекст диалога, в том числе проповеди Православия в совершенно нерелигиозной среде.

Вместе с тем формируется новое проблемное поле православной миссии. Значительные трудности в просвещении этих народов создает деятельность новых религиозных движений, тоталитарных сект и иностранных миссионеров, активно занимающихся прозелитизмом среди коренных малочисленных народов. Нередко их деятельность осуществляется с грубыми нарушениями законодательства и сопровождается разжиганием межнациональной розни, культивированием сепаратизма, призывами к нарушению территориальной целостности Российской Федерации.

Возрождение национальных культур коренных малочисленных народов часто сопряжено с обращением к различным формам неоязычества, культурного и политического сепаратизма. Поэтому на современном этапе цели православной миссии во многом совпадают с задачами государства по обеспечению духовной безопасности, сохранению суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации.

Определенные трудности возникают на фоне неполного соответствия светской и церковной терминологии, используемой в данной сфере. Термин «коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока» имеет строгое определение в законодательстве Российской Федерации [7; 8; 9], которое выделяет следующие определяющие критерии принадлежности народа к данной категории:

• численность менее 50 тыс. человек;

• проживание в северных районах России, в Сибири и на российском Дальнем Востоке, на территориях традиционного расселения своих предков;

• сохранение традиционного образа жизни, хозяйствования и промыслов;

• осознание себя самостоятельными этническими общностями [10, ст. 1].

В настоящее время в данный перечень включен 41 народ [7]. Вместе с тем целый ряд коренных народов не включается в данную категорию либо по причине многочисленности, либо по причине проживания за пределами указанных в законе территорий. Некоторые из малочисленных народов по различным причинам также не включены в данный перечень. Например, в этот список входят вепсы, проживающие в том числе в Ленинградской области, однако проживающие там же ижора и водь в данном списке отсутствуют. Рассматривая законодательное понятие «коренных малочисленных народов» как важную правовую основу миссионерского служения, Русская Православная Церковь, исходя из своего вселенского призвания к проповеди Слова Божьего, не ограничивает миссию одной лишь этой категорией народов. Исходя из этого, архиерейский собор 2013 г. оперирует понятием «коренные, в том числе малочисленные народы» (п. 33), сознавая наличие общего и частного в планировании и осуществлении миссионерского служения [6].

На канонической территории Русской Православной Церкви проживают многие народы, имеющие в прошлом собственную культурную и литургическую традицию, сохраняющие ее ныне или обладающие достаточным стремлением и потенциалом к ее возрождению либо формированию на современной основе.

К этим народам, несомненно, относятся: осетины, чуваши, мордва, марийцы, удмурты, коми и коми-пермяки, карелы, кряшены и православные татары, якуты, алтайцы, хакасы, сету и ряд других. В некоторых случаях эти народы нуждаются в сохранении и дальнейшем развитии собственной православной идентичности и литургической традиции. В других случаях мы видим потребность в ее возрождении и формировании. Необходима систематическая работа в данном направлении как на епархиальном, так и на общецерковном уровне в координации с Синодальным миссионерским отделом. Важной формой этой работы является подготовка священников для служения на национальных языках, миссионеров и переводчиков.

Служение среди малочисленных народов имеет свою специфику. При наличии осознанного стремления и реальной возможности для миссионерского служения в национальной культурно-языковой среде необходимо руководствоваться рекомендациями, приведенными в Концепции миссионерской деятельности Русской Православной Церкви [4, 384–386] и иных нормативных документах Синодального миссионерского отдела. В иной ситуации следует исходить из того, что культурно-историческая и лингвистическая реконструкция не является основной целью миссионерского служения. Коренное отличие современной ситуации от дореволюционной заключается в том, что язык и традиционная культура более не являются универсальным ключом к реше-

нию задач миссии. В большинстве случаев проповедь Православия на русском языке эффективней проповеди на национальных языках. Изучение национальных языков и традиционных культур часто становится сопутствующей задачей миссии. Иногда эта задача вступает в противоречие с главной целью миссионерского служения.

Традиционные культуры многих коренных малочисленных народов находятся на грани исчезновения. Меры по их сохранению и возрождению, как правило, сопряжены с попытками реконструкции языческих культов, часто в форме исторической реконструкции. Очень часто представители коренных малочисленных народов рассматривают язычество в качестве непременного условия сохранения национальной идентичности. В прошлом именно православные миссионеры приложили максимальные усилия для изучения и сохранения многих национальных культур, заложив основы отечественной этнографии. Вопрос, насколько современные миссионеры должны становиться этнографами, остается открытым и требует отдельного исследования. Несомненно то, что главной целью православной миссии является обращение народов ко Христу и спасение в вечной жизни. Однако, осуществляя такое служение, миссионер должен, где это возможно, прилагать максимальные усилия в изучении и сохранении языков и культур малочисленных народов.

Для этого необходимы общецерковные усилия по формированию национальных элит, обладающих православной идентичностью, подготовке священнослужителей из числа представителей малочисленных народов. Введение модуля Основы православной культуры, предмета Основы религиозных культур и светской этики и духовно-нравственное воспитание в интернатах и кочевых школах является важным фундаментом такой работы.

Определенные трудности связаны со стремлением автоматически перенести исторически сложившиеся формы организации в миссионерские регионы. Несомненно, что создание новых епархий открывает новые горизонты миссионерского служения, однако существующая приходская инфраструктура в условиях огромных пространств перемещения коренных малочисленных народов неизбежно обретает новый формат. Необходимо творческое переосмысление основ приходской жизни в данных условиях. Стремление православных миссионеров к сохранению традиционной культуры и жизненного уклада сталкивается со значительными проблемами. Воцерковление целого ряда традиций (употребление в пищу крови, погребальные и поминальные практики) крайне затруднено, а в ряде случаев совершенно невозможно. Сталкиваясь с подобными трудностями, надо хранить чистоту веры в духе любви и искать ответы в искренней молитве, избегая радикальных мер воздействия.

Миссионерское служение среди коренных малочисленных народов должно включать серьезную антисектантскую работу и быть объединено с социальным служением [6].

Источники и литература

1. Головко Е.В. Алеутский язык // Языки мира : Палеоазиатские языки. М. : Индрик, 1996. С. 101–116. (Языки Евразии).

2. All Saints of North America Orthodox Church : Аляскинские православные тексты. URL: http://www.asna.ca/alaska/index-ru.html#aleut (дата обращения: 02.11.2021).

3. Ефимов А.Б. Очерки по истории миссионерства Русской Православной Церкви. М. : Изд-во ПСТГУ, 2007. 688 с.

4. Концепция миссионерской деятельности Русской Православной Церкви : (Принята Священным Синодом Русской Православной Церкви 27 марта 2007 г., журнал №12) // Собрание документов Русской Православной Церкви. Т. 2. Ч. 1 : Деятельность Русской Православной Церкви. М. : Изд-во Московской Патриархии РПЦ, 2014. С. 368–394.

5. Морозов Б.Н., Симонов Р.А. К проблеме источников древнепермской письменности Стефана Пермского : Около 1340–1396 // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 1 (35). С. 5–16.

6. О различных направлениях миссионерской деятельности Церкви : (Принято Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 2013 г. «Постановления…», п. 33) // Собрание документов Русской Православной Церкви. Т. 2. Ч. 1 : Деятельность Русской Православной Церкви. М. : Изд-во Московской Патриархии РПЦ, 2014. С. 418.

7. Постановление Правительства РФ от 24 марта 2000 г. № 255 «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации» : (С изменениями и дополнениями). URL: http://base.garant.ru/181870 (дата обращения: 03.11.2021).

8. Перечень коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации : [Распоряжение Правительства РФ от 17.04.2006 № 536-р] URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=156605 (дата обращения: 03.11.2021).

9. Распоряжение Правительства РФ от 08.05.2009 № 631-р «Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации и перечня видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации». URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/95535 (дата обращения: 03.11.2021).

10. Федеральный закон от 20.07.2000 № 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27908 (дата обращения: 22.10.2021).

Фото Елены Аносовой

Православное миссионерство среди бурят острова Ольхон

Александр Шарунов

В августе 2014 года исполнилось ровно сто лет с момента принятия решения об открытии на острове Ольхон православного миссионерского стана. Это событие подробно описал иркутский священник отец Николай Пономарев в обстоятельном очерке.

Отец Николай привлекался церковным руководством Иркутской губернии, епархиальным управлением, к ревизионным поездкам по Иркутской епархии, сопровождал Иркутских архиереев. В 1913–1914 гг. он сопутствовал в поездках Киренского епископа Евгения (Зернова)[1]. Они проехали по Иркутской губернии более 7000 верст. При этом о. Николай Пономарев не только документировал важные события, но и проявил себя как талантливый публицист.

Обладал редким талантом, даром журналиста. В своих путевых заметках о. Николай весьма обстоятельно дает всестороннее описание географических характеристик посещаемого района, природные условия, быт местных жителей, обычаи коренных жителей-инородцев, их повседневную жизнь. Точно и тонко отмечал особенное в традициях. Его материалы представляют большую

ценность как источник исторической, культуроведческой и краеведческой информации.

Работа священника «Краткий очерк о. Ольхона» построена в определенной логике. В начале автор дает географическую характеристику острова: размеры территории, описание природы, погоды. Подчеркивает: «По бытовым и географическим условиям остров Ольхон представляет немало интересного и особенного, по сравнению с другими захолустными и отдаленными уголками обширной Иркутской губернии». Читателю становится ясно, что за столетие природа острова в основном сохранилась. А вот условия быта жителей Ольхона несравненно преобразились.

В 1914 году на острове проживало два бурятских рода: – 1-й и 2-й Абызаевские, «имеющие 22 улуса, с населением мужского пола – 307 человек, женского пола – 344 человек, из них 96 детей школьного возраста. Кроме бурятского населения, на Ольхоне жили русские – учитель местного министерского одноклассного училища и заведующий маяком “Кобылья голова”. Других русских жителей на Ольхоне нет». Главное занятие жителей Ольхона – промысел рыбы и нерпы. Скотоводство служило только подспорьем. Из пушных зверей водятся лисица, белка; есть волки, изюбры, но в таком малом количестве, что ольхонцы промыслом их почти не занимались. «Хлебопашеством занимались очень немногие, огородничеством – никто. Достаточный для существования способ рыболовства отодвигает на второй план земледелие, к тому же против земледелия восстают бурятские шаманы, уверяя инородцев, что такое занятие – грех. Прежде, по рассказам бурят, некоторые из них пробовали заниматься земледелием и довольно удачно. Появившаяся эпидемия тифа, от которой умерло много бурят, дала шаманам повод говорить, что это бог послал в наказание за то, что они стали рыть землю. После этого инородцы, имевшие пашни, забросили их, и вновь пахать никто не осмеливался».

Ольхонский учитель освоил опыт огородничества и выращивал овощи, особенно картофель. Автор дает прогноз: «рано или поздно ольхонцам придется, в силу необходимости, взяться за плуг и борону: рыбная ловля в Малом море за последнее время падает, уменьшается и промысел нерпы. Население Ольхона страшно бедствует и частично переходит уже к земледелию, но, по бедности, оно не может пока в достаточной степени оборудовать свои поля нужными орудиями и семенами. Здесь безотлагательно нужна правительственная помощь в снабжении населения земледельческими орудиями и, хотя бы на первое время, полевыми семенами. Тогда, уверенно можно сказать, хлебопашество привилось бы значительно быстрее, и в значительной мере культивировало бы дикую природу Ольхона и самый быт его обитателей».

«Жилища бурят поражают своей нечистотой; о мытье полов нет помину, до терпимой опрятности еще очень далеко… Только некоторые, побогаче, имеющие большее общение с русскими, начинают несколько вводить элементарные правила чистоты и опрятности, однако платье и белье носят до тех пор, пока оно от ветхости не придет в полную негодность; тогда покупают материал и шьют новое. О банях не имеют понятия. Зная, что русские брезгуют есть или пить из грязной посуды, буряты, подавая пищу или питье русскому гостю, вытирают, но только… своим грязным платьем, нередко подолами юбки, и пальцами… Рассказывают, что в 1891 году, когда на Ольхоне ведали холеру, местной администрацией было приказано инородцам жилища содержать в чистоте. К медицинской помощи они прибегают редко, да и что может здесь сделать медицина, когда условия жизни инородцев идут совершенно вразрез с самыми элементарными правилами гигиены. Фельдшер находится от дальних улусов верст за 200 и, при обширности своего района и многочисленности населения, может бывать здесь самое большее один раз в году».

Автор уделяет медицинскому аспекту особое внимание. «Особенно страшною болезнью является проказа. Появилась она среди ольхонских бурят с незапамятных времен и прежде существовала в сильной степени. Буряты очень ее боятся и называют му-иби-шен (худая болезнь). Заболевшего проказой выселяют в отдельную юрту, вдали от улуса, а чтобы не мог выйти оттуда, двери заколачивают; Ничем его не лечат, и только через окошко подают ему жалкие пищу и дрова. Положение больного поистине ужасное…

Один миссионер, служивший когда-то в Еланцинском стане и посещавший о. Ольхон, сообщает два случая посещения им юрт прокаженных. «Больной-христианин, уже год, как сидел в юрте и ни разу его не навещали родственники. Около юрты нанесло громадные сугробы снега и никто не дал лопатки, даже простой доски, разгрести снег: до того их боязнь заразиться.

С помощью представителя от христиан удалось кое-как расчистить снег, и мы вошли в юрту. Юрта летняя, в некоторых местах большие щели, замазанные глиной. В средине очаг, на котором горит два-три полена. Атмосфера прямо невозможная, да оно и понятно, так как больному приходится тут же отправлять естественные надобности. А бывает иногда, что у такого несчастного выйдут дрова и пища, и он должен ждать, пока ему подадут их. Родственники же, зная, что ему не поправиться, не всегда аккуратно снабжают прокаженного топливом и провизией. Другой прокаженный, которого мне пришлось увидеть, был заключен уже три года. Он жил в старой избе, в которой вместо печи был небольшой камин. Три года никто не навещал его, больного; родные и знакомые пришли в ужас, когда я выразил намерение посетить его. Больной был весь в ранах и струпьях, так что действительно было ужасно смотреть на него. И вот таких-то больных, от которых буряты стараются

как можно скорее отделаться, приходится навещать миссионеру».

В 1914 г. проказа на Ольхоне почти прекратилась; только в Вуртукшинском улусе проживало двое детей, пораженных этою болезнью, которых «поселили в отдельной юрте со своей слепой бабушкой, она за ними и ухаживала. Медицинской помощи им никакой не оказывали, да и, как ни странно, ее по настоящее время на Ольхоне нет».

Один из островов Малого моря, куда некогда вывозили прокаженных.

Касаясь религиозной жизни бурят-шаманистов о. Николай вполне объективно оценивает ее. «По вере насельники Ольхона шаманисты. Религиозная жизнь их очень своеобразна и оригинальна, представляет немало интересного в отношении обрядов, празднеств и совершителей языческих молений. Религиозные нужды бурят-язычников удовлетворяет шаман. Он умилостивляет злых духов молениями и жертвоприношениями, но особенными правами и преимуществами среди инородцев не пользуется: больных не лечит, как ламы, и лекарств никаких не имеет. Не пользуется и уважением и как жрец, и нередко случается, что после моления и жертвоприношения они во время обильной попойки не постесняются поколотить своего шамана»[2].

«Всякое исполнение религиозного обряда шаманами требует непременно материальных расходов от инородцев, они должны платить им деньги, давать баранов и т. п. Материально бедные, они очень редко прибегают к совершению общественных и частных молений по шаманскому обряду, благодаря чему и шаманы их вместе с ними бедствуют и ламы посещают их редко…»

Шаманизм запрещал всякую грамотность. Письменность отсутствовала. Из рода в род передавались лишь устные предания и фольклор. Буддисты Монголии и Забайкалья опирались на развитую письменную культуру, использовали образцы искусства Китая, Тибета. Шаманизм не нашел отражения в письменных памятниках, поэтому не сохранились подробности ни одной церемонии, сведения о пантеоне богов туманны. О. Николай приводит описание традиций, ставших ему известными. «Шаманы, обыкновенно, бывают наследственны, но могут быть и другого рода. К исполнению обязанностей они приготовляются с малых лет, присутствуют при языческих молениях и жертвоприношениях, а перед поставлением в шаманы удаляются на несколько дней в лес, бегают здесь голодные, лазят по деревьям до одичания. Потом избираемый является в улус, где собираются 2–3 шамана и народ, но в самый дом поставляемый не входит».

«Шаманы приносят жертвы, а посвящаемый ползает на берегу и кричит молитвы и заклинания; затем его приводят, окуривают вереском и богородской травой, и он приносит первую жертву как шаман. Этим обряд поставления оканчивается и начинается повальное пьянство. Особенного костюма ольхонский шаман не имеет; носит обычную одежду бурята; во время совершения моления привязывает лишь к своей косичке (тонкой, длинной) разноцветные лоскутки и иногда при молении употребляет музыкальный инструмент, наподобие губной гармони; дома же имеет ящик, в котором навешаны колокольчики и ленточки. Перед этим ящиком шаман ежемесячно совершает моление, в присутствии своих соулусников, для очищения своих грехов, так как в течение месяца, проводя обычную жизнь, он мог где-нибудь и чем-нибудь осквернить».

При совершении моления над больными, шаманы всегда гадают – сжигают баранью лопатку и по ней узнают, какого духа нужно умилостивлять, какою жертвою и какой шаман может умилостивить. О бараньей лопатке существует на месте такое предание: когда люди расселялись по всей земле и образовались разные народы, то Бог повелел от каждого народа по одному человеку явиться к нему за получением закона; в числе других явился и бурят. Получивши писаный закон, бурят отправился от Бога; на пути его застигла ночь; он отыскал стог сена, положил в стог закон, а сам уснул. Ночью к этому зароду (стогу) пришло стадо баранов, и бараны стали есть сено, вместе с сеном и закон. Проснувшись, бурят не нашел закона и решил, что его съели бараны. Поэтому шаманы теперь и смотрят на баранью лопатку, предполагая, что на ней отображен данный богом писанный закон…

По верованию ольхонских бурят, в древние времена обитателям Ольхона монголам и китайцам покровительствовали: Бурхан-Гэгэн (Гыгэн), а на острове постоянно пребывал Багду-Гэгэн. С переселением монголов и китайцев с Ольхона на Забайкальскую сторону, переселился туда и покровитель Их-Гэгэн. Вместо монголов на о. Ольхон переселились лесные буряты, и в покровительство им бог Иеыгэ-малан послал сына своего Ямсарана, который имел местопребывание в шаманской пещере, почитаемой священной. На поклонение пребывающему в ней Ямсарану приезжали инородцы из Забайкалья и Иркутского уезда. У Ямсарана есть сын Ихэ-шубун (большая птица или орел), который исполняет волю отца своего Ямсарана и «от него зависит благосостояние всего Ольхона, поэтому ольхонцы считают его близким к ним богом и приносят ему умилостивительные жертвы на всяком месте».

Праздники инородцев, в большинстве, никакими языческими обрядами не сопровождаются, а выражаются почти исключительно гуляниями: ходят буряты из юрты в юрту и пьют тарасун, пока не истощатся все сделанные к празднику запасы этого зелья. Гости в начале принимаются радушно, а по мере истощения хмельных запасов, радость хозяев сокращается, и «в конце надоедливых гостей уже честью просят к выходу».

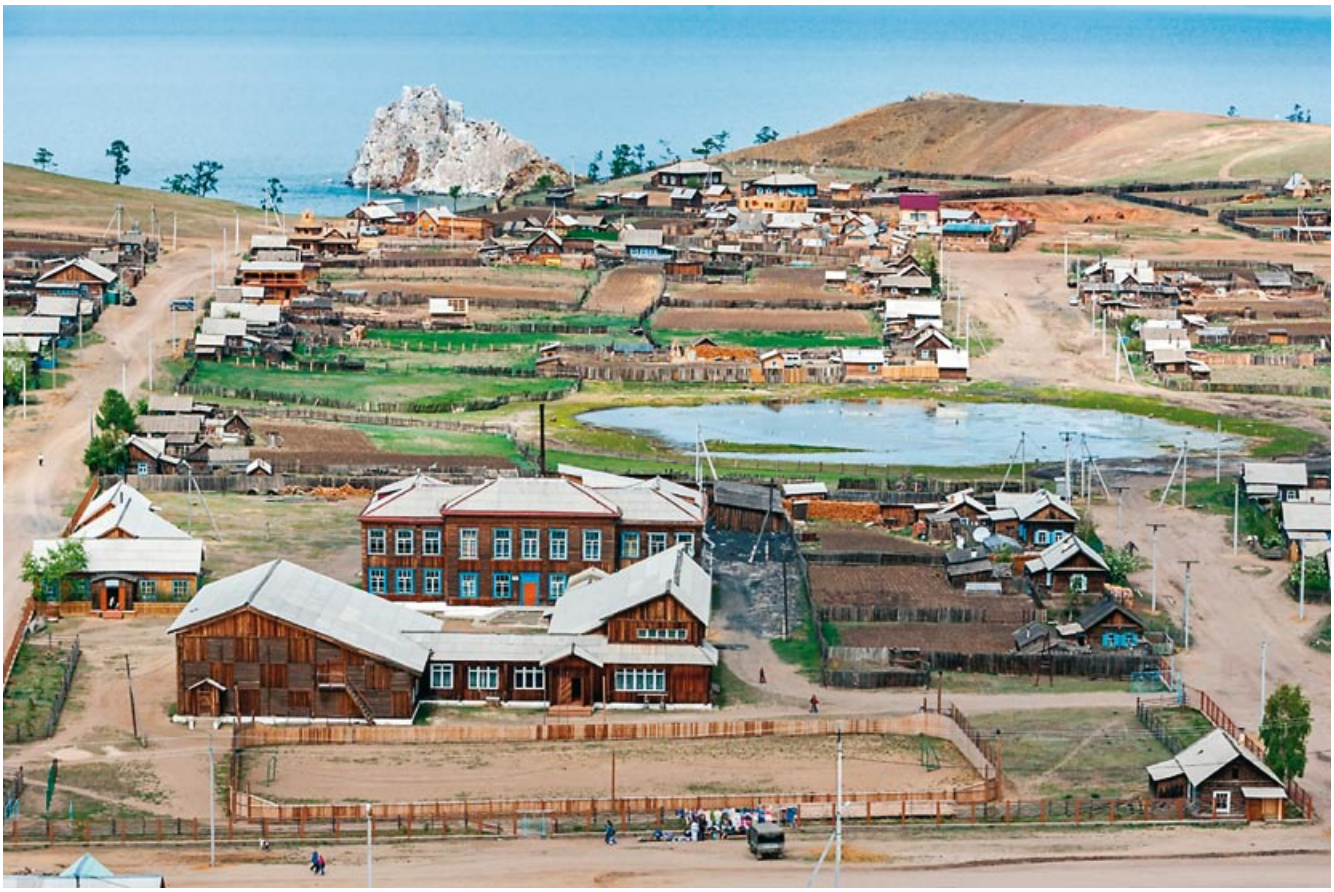
Большими особенностями обставлены языческое совершение браков, погребений и молебствий. Браки у Ольхонских бурят совершаются так: по заключении договора о калыме, «который выражается суммой 500–700 рублей и 17–25 головами ражнаго скота», и по уплате части калыма, делается свадьба. Накануне венчания (о. Николай называет обряд сочетания браком привычно – «венчание») у невесты бывает девичник, куда приезжает жених со своими родственниками, и бывает гуляние на всю ночь, выражающееся, разумеется, в повальном пьянстве. Утром жених и родственники его уезжают домой. Невесту одевают в лучшие одежды и украшения, дают ей приданое, тюфяк (”потник”), одеяло, подушку и ящик; в который отец кладет 1/2 пуда мяса и несколько платков (хадаки) для подарков.

«Из родственников и соседей собирается поезд, и вот, отправляются в улус жениха. Не доезжая версту или две до улуса, делается остановка, чтобы на невесту одеть «дыгылей»[3] – верхнюю кожаную одежду с украшениями (эта одежда переходит у бурят из рода в род и сохраняется очень долгое время). Нам показывали „дыгылей”, хранящийся 100 лет».

В улусе жениха невесте приготовлялась отдельная юрта, куда она и приезжает со своим приданым и родственниками, а отец невесты заезжает к свату. Начиналось «са-соли» (брызганье)[4]. Ставится на стол 2-3 бутылки с водкой, омуль и хлеб. Из числа присутствующих выбирается почтенный человек и начинается моление, набранный читает молитвы святому «Орголэ убугун», потом брызгает вино вверх и на огонь; то же самое проделывается и у жениха, а потом идет гуляние и пьянство до восхода солнца, когда начинается собственно сочетание браком.

Невесту приводят в юрту жениха, у дверей юрты раскладывается огонь (костер) и ставится в большом корыте вареная конская и овечья головы и часть мяса. Невеста проходит в юрту и стоит вместе с народом. Ей подают чашку с топленым салом; им она обливает огонь три раза; если сало горит хорошо, то невеста будет счастлива. Свекор после этого дает ей несколько кусков нетопленого конского сала «арбин»[5], а сам садится на порядочном расстоянии от невесты с открытой пазухой. Она берет три куска сала и бросает свекру в пазуху; если попадет хотя бы один кусок, невеста будет счастлива; бросание повторяется три раза. Потом свекор наполняет ганзу (трубку) табаком и подает невесте, делая в то же время ей подарок деньгами в 3, 5, 10 рублей, делают подарки деньгами и все родственники свекра, а невеста всех одаривает платками.

После этого невеста, поклонившись свекру, выходит из юрты к костру, тут ее встречает жених, и в присутствии почетного родственника они обмениваются кольцами три раза, кланяются Онгону Хата и Алтата также три раза, и невеста уходит в свою юрту. Этим и заканчивается обряд «венчания», после чего опять начинается

гуляние, иногда довольно продолжительное. По окончании свадебных гуляний родственники невесты уезжают домой и увозят с собою невесту. Она остается в доме своих родителей до тех пор, пока за нее не выплатят весь калым. По уплате калыма невесту привозят к жениху и тут оставляют ее навсегда. При этом никаких обрядностей не совершается, а бывает только улусное гуляние. Шаманы при венчании никакой роли не выполняют, а если и бывают, то только в качестве гостей.

Умерших ольхонские буряты в землю не погребают, а сжигают на костре. При сожжении закалывается лошадь, которая везла умершего. Шаман при погребении не присутствует и никаких молений не совершается. После всего бывают поминки. Если кто-то не желает быть сожженным, то делает завещание о погребении его в землю, и завещание это бурятами исполняется. Православные буряты все погребаются по христианскому обряду на особо отведенных для того кладбищах.

О. Николай заметил, что антагонизма между крещеными и некрещеными бурятами не замечается, кроме разве мелких случаев по мотивам личного характера. К православному священнику ольхонцы относятся с уважением и почтительностью, обращаются нередко за советами и стараются, при случае, присутствовать при христианском богослужении. Крещеные посещают богослужение при всяком приезде миссионера.

К ламам ольхонские инородцы не расположены; при посещении ими острова, буряты обращаются к ним разве только за медицинскою помощью или с просьбами поворожить об украденном имуществе. По убеждению бурят, ламы являются к ним исключительно с целями материальной наживы; отсюда, насколько удалось подметить, отношение к ламам со стороны многих ольхонских бурят недоброжелательное, злобное, часто граничащее с ненавистью.

Луч Христовой веры проникал на остров весьма медленно, несмотря на то, что Ольхон с 1648 года находился под властью русских. Просвещение инородцев и их св. крещение началось в 40-х годах XIX столетия ближайшими к Ольхону священниками Кососстепского прихода. В 1868 г. архиепископ Иркутский Парфений (Попов) предположил открыть миссионерский стан при Ольхонской Степной Думе, близ северо-восточного берега Байкала. Миссионерский стан в Ольхонском ведомстве был действительно необходим: «6.000 инородцев, неведущих Бога истинного, блуждали во тьме язычества, боготворили “священный” Байкал и его мертвые утесы». Желание архиепископа Парфения нашло живой отклик в сердцах благотворителей. «Верхоленский купец Михаил Аггеевич Сапожников строит и благолепно украшает храм в улусе Еланцинском в честь Покрова Божией Матери. 24 января 1871 года храм освящается архиепископом Парфением. Тот же благотворитель устроил в Еланцах миссионерскую школу для бурятских детей. В течение 44 лет со времени освящения храма наибольшее число обращенных к вере Христовой было из окрестных улусов вблизи стана, а чем дальше от храма, тем закоснелость языческая была очевиднее, огрубелость сильнее, проблески веры ограниченнее» – пишет отец Николай.

В 1873 году, по мысли начальника миссии Преосвященного Мелетия, возникает вопрос о постройке молитвенного дома с алтарем в Кутульском улусе, в 12 верстах от Байкала, ближе к Ольхону. Основание было положено, но, по бедности инородцев, было отложено на неопределенное время. Только почти через 20 лет молитвенный дом в Кутульском улусе, по желанию самих инородцев Кутульского и Еланцинского ведомств, был построен и освящен преосвященным Агафангелом (Преображенский, викарный епископ), в ознаменование проезда наследника цесаревича Николая Александровича, через Сибирь.

«К этому времени луч света Христова пал уже на самый Ольхон, мрак язычества понемногу редел и рассеивался. Созрел вопрос о постройке молитвенного дома на самом Ольхоне». По предложению архиепископа Вениамина (Благонравова), инородцы 1-го и 2-го Абызаевскаго рода, живущие на Ольхоне крещеные и некрещеные буряты, 3 февраля 1893 года, в память проезда наследника цесаревича Николая Александровича, пожертвовали в улусе Семисосенном здание вместе с землею для предполагаемого молитвенного дома. При помощи благотворителей, храм был закончен в 1897 году и в конце этого года освящен Преосвященным Начальником миссии епископом Евсевием (Никольским). На средства жертвователей-бурят для освященного молитвенного дома приобретены были: сосуд с прибором, напрестольное евангелие, святой крест и полное священническое облачение. По этому поводу о. Николай восклицает в свойственном ему возвышенном стиле: «Слава Богу! Взошло над Ольхоном ясное солнышко и стало посылать свои благодетельно-живительные лучи на каменисто-языческую почву, согревать ее любовью веры Христовой, орошать живительным дождем благодати Божией… 17 лет этот живой блоговеститель будит сердца обитателей этих каменных утесов и зовет их к Богу Неведомому для них, греет их любовью Христовою в созидание Церкви Божией».

Торжественное освящение молитвенного дома произвел на обитателей острова сильное, долго неизгладимое, впечатление. Почти все они в первый раз видели благолепное убранство храма, торжественное архиерейское богослужение в сослужении с шестью священниками, в первый раз слышали «умилительное, душу захватывающее, пение архиерейского хора». В первый раз улус Семь сосен принимал столь высокого гостя, не одна сотня крещеных и некрещеных бурят собрались на это торжество.

Кроткое обращение архипастыря к ним, его внимательность, простота и доступность оставили глубокий след в сердцах этих загрубелых язычников. Особенно они были довольны тем, что в день отъезда архипастыря полил сильный дождь, а затем был обильный лов рыбы. «Ваш архирей молился, и Бог дал дождя. Видно Бог его любит», – говорили буряты и крещеные, и некрещеные, благодарные архиерею за его молитвы.

30 июня 1914 года Ольхон встречал второго святителя церкви Иркутской, преемника «проповедника веры во языцех монгольских», Преосвященного Владыку Евгения (С.А. Зернов, викарный епископ), Епископа Приамурского и Благовещенского. По обозрении приходов и миссионерских станов Верхоленскаго уезда, Владыка прибыл к Малому морю Байкала. По отлогому спуску горы видны были буряты и бурятки в пестрых костюмах, в разных местах разбросаны их арбы, горело несколько костров, около которых сидевшие кругом буряты беспрестанно тянули свои «ганзы». На берегу моря тесно прижались несколько избушек – это лавочки русских торговцев, приезжающих сюда на время ярмарки. Она уже началась. Через Малое море виднелся величественный Ольхон. Совершив для собравшихся на ярмарку моленное пение, свита Владыки и все сопровождавшие его должностные лица отплыли на Ольхон в 10 часов вечера в большой лодке.

Автор так описывает плавание. «Буряты дружно работали в восемь весел, унося нас в море к улусу Семисосенному. Вечер был тихий и теплый; поверхность моря зеркальная. После перенесенной тряски в тележных экипажах, мы теперь чувствовали полный отдых, дивная обстановка Байкала приводила нас положительно в восторг… Вот мы в открытом море. Темнеет. Слегка поднимается ветер. Сарма зарябила поверхность моря, и легкие волны ударяли о борт нашей ладьи… Вот маяк Кобылья голова, среди наступившей ночи огонек его как-то особенно манил к себе… Сарма начинала дуть сильнее, холодный, пронизывающий ветер заставил нас укутываться в теплые одежды. Ладья двигалась очень медленно. Наконец, стало совсем темно. Сажени пути казались верстами: велико было наше томление и желание скорее выбраться на берег и укрыться в теплом и сухом помещении. Владыка, надевши на себя весь запас теплой одежды и сверху дождевик, сидя около мачты, терпеливо переносил непогоду: Сознание долга пред насельниками Ольхона было в нем очень велико. Дождь лил вовсю. И только во 2-м часу ночи мы увидели, наконец, на берегу черные живые точки: эго буряты около Семисосеннаго поджидали нас, чтобы доставить в улус. Подплывая к берегу мы, осенив себя крестным знамением, запели тропари св. Николаю и Иннокентию. Что-то особенное было в этой минуте: дикие, дикие скалы в полночный час по-своему, с шумом и воем встречали святителя Божия. Минута была величественная, торжественная».

Буряты встретили приехавших приветливо, на лошадях доставили в улус, где гостеприимно были встречены учителем местного училища И.В. Беловым. Он дал приют в своей школе. С трудом гости отогрелись и обсохли.

«1-го июля, несмотря на ненастную погоду, в улусе было необычайное оживление; инородцы нетерпеливо ждали выхода Владыки, собравшись в таком количестве, что молитвенный дом не мог их вместить. В 9 час. Владыка вошел в храм. Миссионер стана священник о. Геннадий Вдовин встретил владыку со св. крестом и приветствовал краткой речью. В ней он подчеркнул, что пятитысячное население Ольхонского края, разбросанное небольшими улусами среди Байкальских гор, нуждается в помощи, прежде всего, медицинской, необходимо преодолеть страшную бедность, население вымирает».

Со стороны Забайкалья проникает влияние буддизма. «Ламство» хотя и не прививается, но все-таки наводит сомнение в вере и высасывает последние соки бедного люда; с другой стороны, шаманство как вера отцов требует немалых материальных расходов. «Видя обнищавшее население ради удовлетворения религиозных нужд души, невольно скажешь словами бурят: “пойдем в ту веру, которая дешевле”. Такою верою, по взгляду бурят, является вера православная. Одно отрадное явление в Ольхонском крае – это школы, откуда разносится истинное учение и обличается невежество шаманства». Оратор подчеркнул: «В настоящее время среди инородцев Ольхонского края в религиозном отношении настало какое-то таинственное затишье, все ожидают чего-то особенного, высшего. Сегодня время благоприятное. Призови, Владыка, сам своим мощным святительским словом не ведающих Бога в лоно Христа».

После о. миссионера к Владыке обратился местный инородческий писарь С. Брянских, от лица инородцев приветствовал архипастыря. Он подчеркнул: «К распространению православия и его поддержанию нашими наставниками-миссионерами мы имеем острую нужду. Ведь отдаленные улусы разбросаны на территории от 25 до 260 верст. Эта острая нужда может быть устранена по ходатайству и благословению Вашего Преосвященства. Без православной миссии население может легко поддаться влиянию учения ламаизма… Знанием русской грамоты и русского языка буряты очень дорожат. Для этого они устраивают школы, и недалеко то будущее, когда все население будет грамотно, и с этим рука об руку, при близости православной миссии, может идти успешное распространение нашей православной св. веры… Не коснулось нашего края, при усиленном влиянии проезжих лам, их учение. Нет отступивших от православия крещеных инородцев. При посещении города Иркутска, и даже по обету, шаманисты идут

Епископ Евгений Зернов на берегу

на поклонение мощам св. Иннокентия Иркутского Чудотворца. Это яркий пример неотдаленности их от православия».

Предполагают, что шаманисты далеки от православной веры. Тем не менее, местные жители охотно пожертвовали свои деньги на постройку Еланцинского, Кутульского, а потом и Семисосенного храмов. Приобрели икону Святителя Николая, столь чтимого шаманистами. Она поставлена, согласно желанию жертвователей, около шаманской пещеры, считающейся священной как у шаманистов, так и ламаитов.

По совершении молебна св. Николаю с акафистом св. Иннокентию, Владыка, через переводчика о. Махочкеева, вел с инородцами беседу о спасении через Иисуса Христа, убеждал веровать в Него и святых Его, разъяснял смысл христианского учения, сравнивая новую веру с шаманизмом. Щадя недостаточно развитое понимание и подготовку слушателей, Владыка использовал простые примеры из их повседневной жизни. Обращенные к внутреннему миру человека, его смысловым, духовным ориентирам слова миссионера служили проводником, способом движения к необходимой истине, помогали пережить людям радость личного открытия истины. Благословение Владыки получали все: и крещеные и некрещеные; крещеным он раздавал крестики, Евангелия, образки св. Иннокентия. Иконки св. Иннокентия просили и многие из некрещеных.

Несмотря на ненастную погоду, в улусе чувствовался праздник; все были разнаряжены, особенно бурятки, все были довольны и веселы… Вечером, когда немного стих дождь, Владыка, обойдя улус, побывал на близлежащей скале. На самой вершине, густо окутанной туманом, совершил панихиду по «нечаянно погибшим» здесь в 1903 г. Тогда Сарма разбила баржу о скалу, и 185 человек погибли. В расщелинах прибрежных скал находили после бури много трупов, среди них женщин, закоченевших с грудными детьми, всех погребли здесь. Безмолвным свидетелем былой катастрофы стал большой деревянный крест.

На третий день пребывания на Ольхоне гости на лошадях отправились к священному для бурят «Шаманскому камню», он рядом с улусом Хужир. Преодолеть 19 верст было не просто. Дороги не было, лишь узкая тропинка позволяла ездить только верхом, колеса телеги перескакивали с камня на камень и отчаянно били необычных посетителей. С трудом добрались до улуса Хужир. Скала Шаманский камень находилась от него в 4 верстах. Выражая особый почет высокому гостю, лихо скачущие на больших конях вестовые буряты встретили его версты за две до улуса. Обычно безжизненный улус копошился, как муравейник. Мужчины-буряты сбежались в одно место, бурятки боязливо прятались, с затаенным страхом смотрели сквозь щели заборов на прибывших гостей. В пустой новой избе была приготовлена приемная

квартира; пол посыпан красноватым песком, иконы не было, дом принадлежал буряту-язычнику. Когда Владыка вошел, изба наполнилась народом, бурятки кое-как решились подойти к окнам.

В продолжительной беседе через переводчика Владыка изложил историю Богооткровенной религии и призывал веровать в Господа Иисуса Христа и чтить святых его. Вместе с этим указал на неосновательность и ненужность для спасения шаманских обрядов и верований. Слушать переводчика жителям было не просто. Русские принесли новые понятия, смысл которых необходимо истолковывать, разъяснять. Оратор не был уверен, что его понимают правильно, но продолжал говорить: о Едином Неведомом Боге, о благодати, о возможности освободиться от множества предрассудков, сопровождающих жизнь бурят, ведь православие открывает новую свободу от языческих суеверий.

Миссионер не боится непонимания слушателей. История сохранила для нас великолепный пример. В свое время апостол Павел проповедовал среди жителей Афин, которые поклонялись множеству статуй богов. Изображения богов были чужды проповеднику-еврею. Но он обнаружил жертвенник, на котором не было статуи, только надпись «Неведомому Богу», и апостол назвал афинян «особо набожными». Боясь обидеть какого-нибудь из множества богов, они построили жертвенник безымянному богу. В мире религиозного плюрализма афиняне (как и буряты) все знают всё, но не находят главного. Миссионер апостол Павел нашел повод для беседы: «Вот этого Бога, Которого вы, не зная, чтите, я возвещу вам». Любой народ, любая замкнутая группа внутри него требуют особого подхода, терпения, внимания. Нельзя допускать эмоционального отторжения и ложного благочестивого раздражения. Все моральные достоинства непременно присутствуют, пусть и в малом количестве, у любого народа, во Христе находят полноту и завершение.

Епископ Евгений уверял местных жителей: «Мы не хотим мешать вам жить, не затрагиваем вашу гордыню. Но раз вы хотите слушать, мы будем говорить». Слушатели-буряты с трудом вслушивались в речь необычного миссионера, быстро уставали, поочередно выходили один за другим и, выкурив трубочку, отдохнувши на улице, возвращались. Вновь с интересом слушали беседу Владыки. В целом она оставила заметное, сильное впечатление. Ведь разговор шел о совпадающей и устойчивой системе ценностей, которой люди дорожили. С другой стороны, буряты ссылались на веру своих предков, нарушить которую они не решаются, боясь мщения со стороны злых духов. Среди слушателей были два шамана, один – сравнительно молодой, а другой – Харамун Номхонов, старик, главный из всех шаманов Ольхона. В собеседование они не вступали, но слушали весьма внимательно.

Неожиданно Владыка предложил бурятам поплыть вместе с ним к Шаманскому камню. Они встретили это предложение с недоумением, стали отказываться. По верованию бурят, на нем живет бог и таинственные духи, поэтому камень священный. Простые буряты старались не тревожить духов, поселившихся здесь. Далеко объезжали это место, стараясь не шуметь, обвязывали копыта лошадей ветошью. Женщины не могли появляться рядом со святым для шаманистов местом. Но Владыка был настойчив. Мужчины столпились около своего писаря Брянских, которому очень доверяют. Он русский, давно живет среди бурят, прекрасно владеет их языком, отлично знает их быт, и пользуется расположением и доверием. Посоветовались, и, нарушив прадедовскую традицию, буряты выразили согласие, преодолели страх перед таинственными силами камня. Особенно же важно было то, что вместе со всеми поехали оба шамана. «Отправились к берегу, сели в лодку. В настроении бурят заметна некоторая внутренняя подавленность, но изменить слову не хотели. Нерешительно вошли они в лодку, и восемь из них сели в весла. Море было спокойно».

Отец Николай так описывает события: «Расстояние в 4 версты проплыли сравнительно скоро. Вскоре после отплытия нашего стал слегка дуть ветер и, по мере приближения к камню, он усиливался, лодку начинало качать. На лицах бурят чувствовалась легкая тревога. Когда же до камня оставалось всего около полуверсты, ветер разошелся настолько, что волны вздымались до сажени; лодка, как щепка, то опускалась вниз, то поднималась на гребень волны. Буряты заметно переживали страх и, несомненно, были убеждены в гневе духов, не желавших пустить к себе посетителей, но грести не переставали. Разговор их был крайне тревожный, они думали, что духи потопят всех в море. Подплывая к камню, мы громогласно запели тропарь Св. Николаю, тропарь и кондак Св. Иннокентию. Момент был высоко религиозный. Думаю, что он тронул и наших спутников».

На берегу, возле скалы, была заранее построена деревянная часовня в честь Св. Николая и водружен его образ, писанный маслом. «С некоторым страхом вышли буряты на берег и нерешительно последовали за всеми к часовне около камня. Начался молебен. Видя, что православные ставят пред образами свечи, пожелали и они принести свою жертву ”русскому Богу”. Владыка бесплатно роздал им свечи, с которыми они стояли все время молебна, молясь по своему, сложив руки ладонями, то поднимали, то опускали их. После молебна охотно лобызали образ Св. Николая».

«Владыка пожелал осмотреть бурятскую святыню, побывать на вершинах скал и спуститься в священную пещеру (промоина в трещине скалы, где временами бывают только ламы для принесения умилостивительных жертв). Подавляя в себе внутренней страх пред таинственными силами

камня, неотступно за Владыкой, стали взбираться на священную скалу и буряты, перелезая с утеса на утес, а затем с каким-то особенным трепетом спустились в священную пещеру, пугливо озираясь по сторонам. Здесь мы нашли предметы шаманского культа: медные изображения богов, медные пластинки в виде ножичков, полинялые платки с бурятскими изречениями… Взяли на память. Заметно повеселели наши спутники, когда вышли здоровыми и невредимыми из этого ”страшного обиталища злых духов”».

Настроение бурят настолько изменилось после только что пережитого страха, что они привольно устроились над священной пещерой и с наслаждением закурили трубки. А Владыка стал подниматься на вторую скалу, выходящую в море. Буряты смело, смеясь, взобрались на другую скалу, обрывом спускающуюся в море, далеко небезопасную для посетителей. На вершине ее был водружен большой деревянный крест с надписью: «Сей крест поставлен во имя Ильи-пророка рыбопромышленником Григорием Телешевым». Буряты-шаманисты окончательно преодолели свой страх перед таинственными силами духов шаманского камня. Они вместе со своим главным шаманом Харамуном Номхоновым молились св. Николаю, были в пещере шаманского камня, к которому прежде каждый из них боялся даже приблизиться.

«Когда буряты вернулись со скалы невредимыми, они были неизъяснимо радостны и веселы, шутили, смеялись, и, уже спокойные, вместе с нами, в присутствии Владыки, пили чай. После краткой беседы, Владыка, указав бурятам, что часовня здесь во имя Св. Николая, предложил им самый камень вместо шаманского именовать на будущее время «Камнем св. Николая», на что они искренно охотно согласились».

В часовне была оставлена надпись: «3 июля 1914 г. после молебного пения святителю и чудотворцу Николаю, совершенного начальником Иркутской Православной миссии епископом Киренским Евгением, икона св. Николая была поставлена в сей часовне… Да обратит св. Николай сердца бурят-шаманистов ко Христу, всех нас Спасителю».

Весьма радостные возвращались буряты в свой улус. После этой встречи они стали ловить рыбу около священного камня, без боязни злых духов. От избытка благодарного сердца они поднесли Владыке в дар заколотого барана. Он благодарил их и возвратил, прося от его имени передать жертву кому-либо из беднейших в улусе. При прощании, буряты обещали сделать день 3-го июля годовым праздником, непременно вместе с о. миссионером посещать «Камень св. Николая» и служить в часовне молебен. Владыка благословил их на это святое дело, убежденно наставляя скорее оставить шаманские заблуждения и сделаться истинными сынами Христа Спасителя.

Весть о посещении шаманского камня православными быстро разнеслась между инородцами не только Верхоленскаго уезда, но и Балаганскаго и даже Тункинскаго края, произведя среди них недоумение и некоторый переполох. Они сказали, что языческим хозяевам-божествам Ямсарану и Ихэ-шубуну посещение Шаманского камня епископом и водружение им иконы было нежелательно. Они всеми силами старались противодействовать, послали ветер и сильные волны, чтобы не допустить туда «русского бога св. Николая» и Ихэ-лаба (большого священника-архиерея). Они видели, что Ихэ-шубун сидел на большом дереве шаманского леса и наблюдал за плывущими. Когда же Ихэ-шубун увидел, что лодка преодолела все препятствия и стала приближаться к священному месту, то, видя свое бессилие, полетел на Забайкальскую сторону. «Русский Бог – говорят буряты – сильнее бурятского и прогнал его за Байкал». Доказательством является то, что после совершенного Владыкой молебна и водружения иконы, ветер затих, море совершенно успокоилось, и обратный путь был совершен при ясной приятной погоде и полном спокойствии моря.

Возвращение на материк автор описывает так: «…под вечер мы проплыли спокойно, но когда стали приближаться к струе, где обыкновенно дует Сарма, ее дуновение, предательски ласкающее, стало осязательно чувствоваться. Когда же попали в самую струю ветра, почувствовалась качка, причем волны били в борт, угрожая опрокинуть нашу небольшую ладью. Раздавались голоса, чтобы вернуться и переждать до утра, особенно когда мы заметили волнение наших привычных гребцов. Владыка молчал, он как будто говорил всем нам, волновавшимся в страхе: ”маловеры, зачем сомневаетесь?” Гребень струи скоро перевалили, и к полночи благополучно добрались до материка, немало пережив за эту ночь. Сарма завывала до утра».

Посещение Ольхона глубоко убедило Владыку Евгения в безотлагательной необходимости открытия самостоятельного миссионерского стана на Ольхоне, в дополнении стана Еланцинского, разбросанного на 300 верст. Миссионер Еланцинского стана был лишен возможности с успехом вести дело миссии, вследствие многочисленности населения и неудобных дорог. В состав нового стана вошли все улусы, расположенные на о. Ольхоне и расположенные по берегу Малого моря, от Сарминского до Покойницкого мыса. Всего 383 двора с населением 904 душ мужского пола и 830 – женского. А именно: 1-го Абызаевскаго рода – улус Нурсюр, Буртукшинский, Халзанский, Хадайский, Семисосенский, Идибинский, Шибэтовский, Елгинский, Улан-Харганинский, Заглейский; 2-го Абызаевскаго рода – Хонхоевский, Сыргатинский, Хужирский, Харанцинский, Харадаевский, Бубейский, Халагайсгай, Нюргунский, Сасинский, Усек, Хобой; 1-го Чернорудскаго рода – Хужир-Нугуйский, Зуг-

дук, 1-й Заминский, 2-й Заминский, Хылтыгейский, Покойницкий; Хенхедоровскаго рода – Больше-Онгуренский и Мало-Онгуренский.

В жалованье причту назначены: священнику – 800 руб., псаломщику – 300 руб. в год и 100 руб. разъездных. Отопление храма и причтовых помещений, содержание караула при церкви принимается за счет Миссионерского Комитета. По ходатайству Комитета, на постройку дома миссионеру отпущено Советом Православного Миссионерского Общества 2.500 руб.

Владыка Евгений уехал из Иркутска. Его ходатайство воплощал в жизнь новый начальник миссии, Преосвященный Зосима (Сидоровский). В 1914 году назначение причта Ольхонского стана задерживалось из-за задержки официального утверждения штата от Святейшего Синода.

Миссионерское служение в азиатской среде, и ранее, и в наше время, всегда проходило очень сложно. Миссионеру-христианину приходится действовать в области пересечения культур, в мирах, весьма далеких в своих духовных и социальных основах. К личности миссионера предъявлялись высокие и разнообразные требования: глубокое проникновение в культуру иноплеменников, убежденность и искренняя вера. В среде иноверцев он чужак, фанатик, активно покушающийся на базовые традиционные ценности народа, и вместе с тем – сакральная личность. Это «другой», который должен стать «своим». Среди соотечественников он часто расценивается как слуга, чудак, маргинал, «чувствующий свое бремя», решившийся на рискованное служение, имеющее мало перспектив, обычно не приносящее дохода. Но Бог избирает таких людей на служение по Своему желанию. Ибо «благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих» (1 Кор.1.21). Он должен в совершенстве владеть двумя языками: родным и языком местных жителей, иногда в разнообразии диалектов. Необходимо быть оратором, через слово способным организовать диалог культур, уметь говорить с миром обывателей, обращаясь к сложившемуся общему религиозному опыту. При этом общаться доступно, ведь апостол Павел предупреждает об увлечении “философиею… по стихиям мира” (Кол.2.8). Особое, сложное, отношение возникает к миссионеру, выходцу из местной культурной среды, он рассматривается как «агент влияния». Тем не менее, такие подвижники существовали всегда. Сегодня миссионерская деятельность осуществляется немногочисленными священниками, которые порой недостаточно разделяют миссионерскую и проповедническую функции в своем служении. При реализации миссионерской функции требуется особый подход, ведь необходимо решать различающиеся задачи. Деятельность миссионера в среде прибайкальских бурят принесла свои плоды, но сложные исторические перипетии в нашей стране частично стерли их влияние: буряты по-прежнему традиционно уважают духов, кормят их «брызганием», «бурханят». Наряду с христианскими обычаями почитаются переплетающиеся буддистские и шаманские традиции.

Примечания

[1] Митрополит Евгений (в миру Семен Алексеевич Зернов, 1877–1937). В 1906 г. о. Евгений рукоположен в сан архимандрита и получил назначение на должность ректора Иркутской духовной семинарии, исполнял обязанности настоятеля Иркутского Вознесенского монастыря. В 1913 г. хиротонисан в викарного епископа Киренского. С 1914 г. девять лет возглавлял кафедру Благовещенской епархии. В 1923 г. владыка Евгений (Зернов) был рукоположен в сан архиепископа.

Харизматическая личность, отец Евгений инициировал создание в Иркутске церковно-археологического общества, избран его председателем, член Восточно-Сибирского отдела Императорского Географического общества, Миссионерского комитета и Братства святителя Иннокентия, председатель епархиального училищного совета. Расстрелян в 1937 г. в Карагандинском лагере. В 2000 году Архиерейским собором Русской Православной Церкви митрополит Евгений (Зернов) канонизирован по чину священномученика.

[2] Шаманы могли занимать очень высокое социальное положение, а у бурят шаманы были даже первыми политическими лидерами.

[3] Дэгэл – традиционное бурятское женское платье, обычно из шелка.

[4] Спиртное, а именно молочная водка (архи) используется с незапамятных времен как угощение для духов (онгонов, хозяев местности и т.д.), которые при жизни употребляли спиртное. Архи считается сакральной белой пищей, как и вся пища, производимая на основе молока.

[5] Арбин (арьбин, далан) – жир из шейной части лошади (загривка), который в бурятской и калмыцкой кухне коптят, получая лакомое блюдо. Особенно рекомендуется употреблять в холодное время года. Как закуска очень хороша.

Далан используется, в отличие от арбина, не с прямыми кулинарными целями, а лишь при торжественных жертвоприношениях духам, т.е. как типичное ритуальное блюдо; стал употребляться в ритуальном обряде только в середине XIX в., когда заменил жертвоприношение целым жеребенком (Кулинарный словарь В.В. Похлебкина, 2002).

Татьяна Ларёва «Проповедь Иннокентия (Вениаминова)», 2015-18 гг.

Главные принципы миссии в сочинениях и практике святителя Иннокентия Московского

Дмитрий Попеченко

Тема миссии всегда актуальна для церкви. Для возрождения в настоящее время в нашей церкви миссионерского дела важно хорошо изучить опыт выдающихся православных миссионеров прошлого.

Замечательным примером для современных миссионеров могут служить миссионерские труды святителя Иннокентия Московского (1797–1879 гг.), прославленного Русской Православной Церковью в1977 г. в лике святых как апостола Сибири и Америки.

«...Сугубо блажен тот, кто со всею ревностью, искренностью и любовью подвизается в деле обращения и просвещения, перенося труды и скорби, встречаемые на поприще служения...» [1, с. 164]. Эти слова свт. Иннокентий адресовал священникам-миссионерам, подвизающимся в деле благовестия Христова среди язычников.

Святитель Иннокентий проповедовал Евангелие многим народам, населявшим Аляску и Чукотку, Командорские и Курильские острова, Камчатку, Амурский край и Дальний Восток. Миссионерская деятельность святителя была по-настоящему эффективной. Церковь приросла большим количеством не просто крещеных, но и воцерковленных людей, изменивших свою жизнь. Успешность миссии свт. Иннокентия, служившего делу Церкви фактически в одиночку на огромной и труднодоступной территории Дальнего Востока, вызывает огромный интерес как у историков церкви, так и у практикующих миссионеров.

Как и апостолы, он основывал свою миссионерскую деятельность на глубокой любви к иноверцам, исключительно добровольном, ненавязчивом характере благовестия, укоренении его в Евхаристии, приспособлении проповеди к духовно-интеллектуальному уровню аудитории. В практике святителя крещение было неформальным, совершаемом при свободном и ответственном выборе человека.

В основу своих миссионерских трудов свт. Иннокентий положил принципы, условно разделяемые на две группы: относящиеся к подготовке миссионерской деятельности и лежащие непосредственно в основе миссии.

Особо важными представляются следующие принципы миссии свт. Иннокентия.

Важнейшим условием правильной подготовки к миссии являются особые аскетические и молитвенные усилия будущего миссионера.

Важным принципом миссии свт. Иннокентий считал изучение языка и культуры местных народов. Святитель овладел шестью языками малых народов Дальнего Востока и сделал для них переводы евангелия от Матфея, часть евангелия от Луки, литургии, молитв и катехизиса, перевел Священную историю и Деяния апостолов. В своем письменном наследии он оставил настоятельные рекомендации по изучению языка, обычаев и менталитета народов, к которым будет обращена проповедь Евангелия. Святитель отказался от их русификации, сохраняя самобытность малых народов Дальнего Востока.

Еще одним принципом подготовки к миссии у свт. Иннокентия являлась деятельность по материальному обеспечению нужд миссии. Во-первых, святитель поддерживал материально себя и свою семью, зарабатывая на хлеб насущный различными ремеслами, которые осваивал на протяжении всей своей жизни. Он никогда не использовал возможность жить на средства своей паствы. Святитель рекомендовал будущим миссионерам: получая образование в семинариях, кроме базовых предметов изучать ремесла. Во-вторых, финансовые средства требовались для издательско-просветительской деятельности: печати переводов на языки аборигенов, Евангелия, катехизисов и др. книг. Свт. Иннокентий решал эту проблему, как путем внесения личных пожертвований, так и выделением времени на поиск благотворителей и попечителей для миссии, завязывая обширные знакомства с высокопоставленными лицами. Для обеспечения нужд миссий, после назначения святителя на Московскую кафедру, он создал Православное миссионерское общество.

Важнейший принцип миссии свт. Иннокентия – это последовательность приведения человека к вере. Этот принцип постоянно использовался святителем в его миссионерской деятельности и раскрывался следующим образом: 1) расположение к себе туземцев; 2) краткое последовательное свидетельство о Боге и учении Христа (перед тем, как говорить о пришествии в мир Спасителя, язычников необходимо было привести в состояние раскаяния, для этого лучше всего подходила беседа о Моисеевом законе); 3) получение добровольного желания креститься; 4) последующее после крещения научение вере; 5) участие в жизни церкви (богослужении, церковных таинствах, соблюдении постов, помощи ближним); 6) обучение в училищах будущих миссионеров и катехизаторов из среды коренного населения.

Еще одним важнейшим принципом миссии свт. Иннокентия являлась опора на существующий у народа опыт богопознания.

Встречаясь с разными народностями, он обнаруживал в них некоторые представления о Боге и на этом строил свою проповедь.Кроме того, как и у многих других известных миссионеров, в практике и опыте свт. Иннокентия был важен принцип личного примера жизни по Евангелию. Жизнь и служение свт. Иннокентия, являясь примером сострадательной, жертвенной и милосердной любви к людям, стала одним из самых действенных факторов его проповеди.

И последний принцип – использование богослужения, и особенно литургии, как одного из действенных способов христианской миссии. Чтение Писания и проповедь, обращенная как к полным членам церкви, так и оглашаемым; особая ектенья и молитва об оглашаемых – все эти факторы придавали литургии свт. Иннокентия миссионерское значение.

Остановимся более подробно на молитвенно-аскетической практике подготовки свт. Иннокентия к миссии.

Для свидетеля Христова важен путь преодоления нецелостности жизни. Свт. Иннокентий говорил: «...или Дух Святой владеет человеком, или грехи; или Дух Святой действует в человеке, или грехи» [1, с. 86]. Преодолеть эту раздвоенность человек может только через «аскетическое умерщвление своей плоти, в первую очередь через молитву и пост, через отказ от всех мирских ценностей и привязанностей» [3, с. 43].

Если для многих подвижников аскетическое делание являлось постоянным и регулярным усилием, то свт. Иннокентий получил дар целостной жизни и подлинной любви с самого детства. Еще учась в семинарии, он выделялся из всех учеников отлично, чтением книг, изучением ремесел. Иван Вениаминов (будущий митрополит Иннокентий) сторонился своих сокурсников по семинарии, так как они были «не прочь выпить и табачку понюхать» [4, с. 8]. Он был «очень деятельным юношей: он часа не мог просидеть праздно, постепенно вырабатывая из себя усидчивого труженика, относящегося ко всякому делу настойчиво, с рассудительностью, с точностью и тщательностью исполнения...» [4, с. 10]. Этот талант собранной, трезвенной, деятельной жизни святитель приумножал на протяжении всей своей жизни.

Сама жизнь на Аляске требовала от человека постоянных аскетических усилий. У о. Иоанна был очень большой по территории приход, а впоследствии, когда он был возведен в сан епископа – епархия. Для окормления своей паствы ему приходилось преодолевать многокилометровые расстояния. Он уезжал из дома для встреч со своей паствой летом одного года, а возвращался назад осенью другого года. Эти путешествия были связаны со многими трудностями и лишениями. Испытания природными стихиями, холодом и голодом требовали от миссионера аскетической подготовки. Мир в сердце и благодарность за все Богу помогали свт. Иннокентию переносить такие нагрузки даже в преклонном возрасте.

Приобретя бесценный опыт преодоления препятствий на пути проповеди Евангелия, святитель передавал его начинающим миссионерам. Им была написана статья о подготовке и воспитании будущих пастырей («Несколько мыслей касательно воспитания духовного юношества» [2]). В этой статье он сделал акцент на физической подготовке будущих миссионеров, а именно таких видах упражнений, которые были бы связаны с реальным ремеслом, что в дальнейшем могло сослужить воспитаннику добрую службу. В его рекомендации входят ранний подъем и ранний отход ко сну, ежедневные физические упражнения: необходимо заставлять учеников выполнять дела ремесленные – пилить дрова, работать рубанком и т. д.

Свт. Иннокентий во всем любил простоту, строгость и надежность. «В домашней жизни владыка был прост, носил одежду и обувь простую и прочную, исключая праздники. Его трапеза была монашеской, ел он немного. В отношении пищи для учащихся святитель писал о том, что она должна быть здоровой и как можно более простой. Он считал, что пищу можно принимать два раза в день: в обед и ужин, это полезно для здоровья «как диетическое средство и это приучает к воздержанию и терпению» [2, с. 39]. Во всем, по мнению святителя, должна быть простота и мера, ведущие к сужению пути и обретению внутренней свободы.

Святитель Иннокентий считал, что самым важным деланием во время подготовки к миссионерской проповеди является молитва. В инструкции для миссионеров он отмечал: «Первое и действительное приготовление к сему (к проповеди) есть молитва, которая одна может отверзать источник высших наставлений и низводит благословение на всякое благоначинание и дело; а потому всегда, и особенно пред всякой беседой с неверующими, которых желаешь просветить словом истины, обращайся к Богу с теплой молитвой» [1, с. 165].

Сам свт. Иннокентий имел богатый молитвенный опыт. Свои беседы с алеутами он часто заканчивал молитвенным воззванием. Святитель в таких случаях молился своими словами. Молитва его была связана с темой прошедшего разговора. Она произносилась простым, ясным языком и была обращена к сердцу туземцев.

Через молитву святитель обретал внутренний мир и тишину. Этим опытом он делился с новыми миссионерами. Владыка рекомендовал священникам перед тем, как начинать огласительную встречу, приводить себя в состояние спокойствия и полного присутствия духа, «иначе ты не можешь высказать того, что знаешь, твердо и основательно» [1, с. 165]. Такое состояние внутренней умиротворенности позволяет священнику пребывать в общении с Богом и действовать не от себя. Смиренное расположение сердца рождает благодарность Богу за Его милость, помощь и поддержку, позволяет Ему действовать в сердце миссионера.

Святитель, будучи сам необыкновенно скромным человеком, учил этой скромности миссионеров. Он предостерегал их от самонадеянности и приписывания успеха проповеди себе, а не Богу: «имей всегда скромное и смиренное расположение духа и не обещай себе самонадеянно необычайных или верных успехов по твоему делу. Таковые обещания происходят от гордости, а гордым не дается благодать» [1, с. 165].

Молитва сопутствовала свт. Иннокентию на протяжении всей его жизни. Он молился до проповеди и научения, благодарил Бога после выполненного дела, молился, находясь в пути и претерпевая лишения, в переписке с друзьями и в обращениях к своей пастве. Отметим интересный факт, который относится к миссионерской проповеди. На открытии Православного миссионерского общества 23 января 1870 года, после прочтения устава Общества, владыка произнес речь. В этом обращении впервые была произнесена евангельская молитва «Господину жатвы» («...итак, молите Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою», Мф 9:38), впоследствии ставшей молитвой миссионеров.

В заключение отметим, что миссионерские принципы свт. Иннокентия по-прежнему остаются главными в миссионерской практике. Принципы миссии свт. Иннокентия являются универсальными для любой эпохи и для любого народа, поэтому их можно и нужно использовать современному миссионеру, ориентируясь на специфику современной ситуации.

Источники и литература

1. Избранные труды святителя Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского / Сост. Б. Пивоваров, прот. Новосибирск: Православная Гимназия во имя Преподобного Сергия Радонежского, 1997. 367 с.

2. Иннокентий, арх. Камчатский, Курильский и Алеутский. Несколько мыслей касательно воспитания духовного юношества // Жизнеописание Иннокентия, митрополита Московского, апостола Аляски. М.: Подиум, 1991. 47 с.

3. Мария (Скобцова), прп. Типы религиозной жизни. М.: Свято-Филаретовская ВПХШ, 2002. 68 с.

4. Барсуков И. Святитель Иннокентий: По его сочинениям, письмам и рассказам современников. Псков: Союз писателей России, 1997. 767 с.

Танцующие женщины. Остров Умнак. Начало XX в.

Этнографическое наследие И.Е. Вениаминова

А.А. Арсеньев

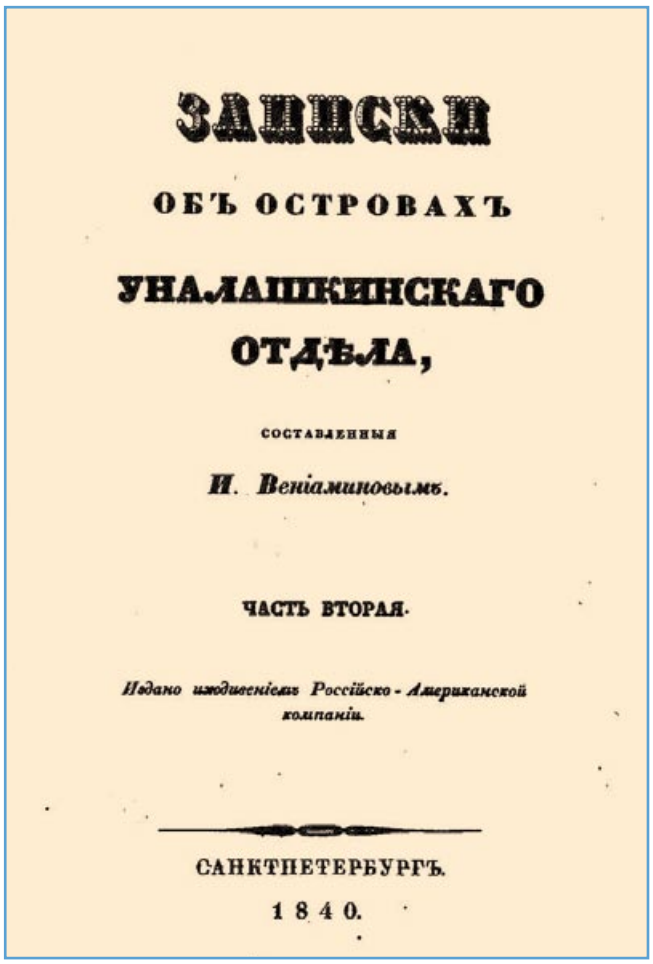
Русский ученый-этнограф, лингвист, церковный деятель, миссионер. Почетный член Московского университета и Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, автор первого русского монографического описания североамериканского населения, собиратель ныне уникальных собраний Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого в РАН в СПб по культуре и быту этих народов. Своими исследованиями отец Иннокентий прославил русскую науку.

Молодой семинарист интересовался общественными и естественными науками, имел возможность пользоваться семинарской библиотекой, насчитывавшей 12 тыс. томов.

Путешествия по островам способствовали изучению местных языков, чему на протяжении всей своей деятельности И.Е. Вениаминов уделял много внимания. Он тщательно фиксировал все собранные сведения, затем разбирал и систематизировал их. В результате появляются переводы «Катехизиса», «Евангелия от Матфея» на алеутский язык (1828 г.) и «Опыт грамматики алеутско-лисьевского языка» При составлении «Опыта грамматики» автор преследовал не только практические, но и научные цели, считая, что книга эта «будет пригодна кому-нибудь для некоторого соображения о происхождении сего языка и для исторических догадок». Эта работа получила широкую известность и высокую оценку как в России (Шегрен, Шмидт, Воейков, Крачковский, Иохельсон), так и за рубежом (Шотт, Пинар, Пфицмайер). «Грамматика, составленная отцом Вениаминовым,– говорил А.И. Воейков,– дает понятие о самом богатстве и самой конструкции языка... Этот труд... открыл ученым новое поле для исследования языков»

В 1834 г. его в виде поощрения «за десятилетние труды» перевели в Новоархангельск – столицу Русской Америки, где он, соприкоснувшись с новым, еще неизвестным ему народом – колошами (индейцами-тлинкитами), продолжил научные занятия. Плоды наблюдений этого периода вошли в его монографию. В результате лингвистической работы появляются «Замечания о колошенском и кадьякском языках...», где он ставит серьезные научные вопросы – о происхождении американских народов и их языков и «если они [народы] произошли от одного корня... то каким образом разбились на части?».

Основной труд И.Е. Вениаминова – «Записки об островах Уналашкинского отдела» – венец его на-

ЗАПИСКИ

ОБЪ ОСТРОВАХЪ

УНАЛАШКИНСКАГО

ОТДѢЛА,

составленныя

И. Вениаминовымъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Издано иждивеніемъ Россійско-Американской компаніи.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1840.

учной деятельности. Работа включает в себя три объемистых тома; первые два, содержащие итоги десятилетнего углубленного изучения лисьевских (восточных) алеутов, особенно ценны. В первый том включены описание природных условий островов и общие сведения о жителях, во второй – обстоятельная монография об алеутах Лисьих островов Алеутской гряды. Третий, дополнительный том содержит более краткое описание атхинских (западных) алеутов и колошей.

Появление «Записок» И.Е. Вениаминова было подготовлено всем ходом развития русской науки. При составлении их автор, по его словам, пользовался «замечаниями ученых путешественников гг. Постельса, Мортенса, Кастальского, Шамиссо, Воронковского и других». Из переписки миссионера видно, что Ф.П. Литке снабжал его литературой, а к ранним этапам его работы причастны К.Т. Хлебников и Ф.П. Врангель. В Америке Вениаминов встречался с И.Г. Вознесенским. Все эти контакты, очевидно, отразились на его научных взглядах и в известной степени помогли избежать провинциального дилетантизма, активно использовать современную ему методологию, данные антропологии, лингвистики и фольклора.

Кроме этой крупной работы, Вениаминов опубликовал ряд статей, являющихся выдержками (или, возможно, разработками) из «Записок»: «Мифологические предания и суеверия колош», «Население русских владений в Америке и разделение его», «Способности и браки алеутов», «Состояние православной церкви в Америке». Значительный интерес представляют письма ученого.

Вскоре после выхода в свет «Записки» встретили горячее одобрение на страницах русских журналов как заслуживающие «полного понимания всех русских, ученых и не ученых», где автор «имел случай показать себя как многосторонне образованного ученого, как успешного и верного наблюдателя и как замечательного писателя», что «доставит ему европейскую известность».

Научный вклад И.Е. Вениаминова по достоинству был оценен лишь в советское время. «Это был даровитый и тонкий наблюдатель, – писал Л.Я. Штернберг. – Его обширная монография об островных алеутах... является единственным и последним источником для познания отошедшей культуры этого народа». Одна из первых советских работ об алеутах – брошюра Е.Н. Елеонской – не только написана под влиянием книги Вениаминова, но по существу является ее кратким конспектом. В 1947 г. была опубликована статья М.В. Степановой. Она посвящена научной деятельности Вениаминова, в ней анализируется лишь часть «Записок», касающаяся общественного строя алеутов. Но несмотря на это, ее статья – наиболее содержательная, и, пожалуй, лучшая работа о роли этого ученого в истории русской науки. О труде Вениаминова писал и С.А. Токарев, который подчеркнул, что этот труд «стоит совершенно особняком не только в ряду сочинений того времени о Русской Америке, – он занимает почетное место в мировой этнографической литературе. В монографии С.Г. Федоровой о русском населении Аляски и Калифорнии «Записки» использованы как один из важнейших источников, и автор характеризует их как «всестороннее серьезное исследование, содержащее бесценный материал по истории, этнографии, лингвистике, флоре и фауне Алеутских островов». Этнографическое наследие Вениаминова широко использовано в книге Р.Г. Ляпуновой, где ему отведено первое место среди работ «начального периода изучения алеутов». На большой вклад Вениаминова в изучение природы и населения Русской Америки указал в своей книге А.И. Алексеев.

«Удивительная судьба Ивана Попова» привлекла внимание Алексея Павловича Окладникова, который высоко оценил деятельность ученого, создавшего «настоящую энциклопедию природы и жизни алеутов».

Этнографические материалы Вениаминова часто использовали и зарубежные этнографы. Особенно подчеркивали их важность такие виднейшие исследователи этнографии алеутов, как А. Грдличка и У.С. Лафлин. В широко известной библиографической работе по коренному населению Северной Америки, составленной американским ученым Дж.П. Мердоком, «Грамматика» и название ряда статей Вениаминова в переводе на английский, французский и немецкий языки занимают почетное место.

Более того, название русской монографии XIX в. – «Записки об островах Уналашкинского отдела» – возглавляет весь список литературы по алеутам.

Описанию алеутского общества посвящена большая часть «Записок».

Одной из главных проблем, поднятых Вениаминовым, был вопрос о происхождении алеутов. Основываясь на преданиях алеутов и на местных признаках, он делает вывод, что «нынешние алеуты суть первые, которые поселились на сих островах», и что алеуты и «прочие американцы» до переселения в Америку жили рядом – «первые южнее и ближе к Камчатке, а вторые севернее и ближе к Чукотке», но со временем под давлением других народов «принуждены были удалиться в нынешние места», первые – через Камчатку на Алеутскую гряду к Аляске, вторые, «и должно быть гораздо ранее»,– через Берингов пролив (где, как он считал, в то время был сухопутный мост) в Америку.

Эти предположения намного опередили уровень науки того времени. Многие ученые XX в. подтверждают догадки о наличии древней Берингии, об азиатском происхождении алеутов, о пути их миграции.

Описание алеутов в труде Вениаминова охватывает все стороны их жизни. Он останавливается на их внешнем облике, «способностях», характеризует хозяйство, материальную культуру, общественный строй, народные знания.

В «Записках» приводятся собранные самим исследователем антропологические данные. Характерна точность и тщательность фиксации фактов, стремление понять наблюдаемое.

Общий вывод автора состоит в том, что характер у местного населения сложился под воздействием природных условий, культурной традиции и образа жизни...

Вениаминов приводит подробный календарь алеутов. Автор детально описывает охоту на «морского зверя», дает исчерпывающую характеристику алеутской байдарке и другим средствам морского промысла, сухопутной охоты и собирательства, уделяет внимание развитию ремесла, связанного с изготовлением орудий труда и предметов обихода. Эти данные широко использованы в работах советских этнографов.

Многие страницы «Записок» посвящены материальной культуре алеутов – описанию селений и жилищ, одежды, пищи и другого «имущества».

По сведениям Вениаминова, в Уналашкинском отделе до прихода русских был заселен почти каждый остров и почти каждое удобное место

В «Записках» дается описание процесса и приемов строительства и внутреннего устройства такого жилища. «Нам не раз вспоминался рассказ Вениаминова, – пишет А.П. Окладников, – о древних жилищах, носивших название “улягамах“, когда мы в 1974 г. вели раскопки на Вилледж-Сайд, на “Деревенском поселе-

А. Авдеев «Граф Н.Н. Муравьев-Амурский и Митрополит Иннокентий Московский», 1858 г.

нии“ острова Анангула. Это, в полном соответствии с описанием Вениаминова, на самом деле были огромные котлованы, глубокие и просторные».

Вениаминов, пользуясь материалами переписи 1838 г., составил статистическую таблицу с данными о количестве селений и жителей в Уналашкинском отделе во время его пребывания там – 25 селений, 157 юрт, 182 байдарки, 1484 чел.

В «Записках» красочно описывается традиционный быт, одежда, утварь и пища алеутов.

Труд И. Е. Вениаминова, насыщенный сведениями о хозяйстве и материальной культуре алеутов, представляет собой важный источник для этнографа, хотя автор и упустил, а возможно, не включил сознательно (считая их неинтересными для читателя) некоторые факты, касающиеся хозяйственной деятельности алеутов. Достоверность, правдивость фактов подтверждается исследованиями многих ученых XIX и XX вв., в частности археологическими раскопками 1907—1910 гг. Описание оружия и орудий, одежды, утвари и пищи, полностью совпадающее с коллекциями МАЭ АН СССР, дополняет картину алеутского быта XVIII—XIX вв.

Ко времени прибытия Вениаминова в Русскую Америку деятельность Российско-Американской компании фактически привела к разрушению самобытности социальной структуры алеутов, поэтому перед исследователем стояла задача реконструировать уже почти исчезнувшие отношения. Для этого автор применял знакомый каждому этнографу принцип историзма при опросе информаторов, использовал данные антропологии, лингвистики, фольклора. Фольклор как этнографический источник он характеризует так: «...сказки алеутов могут почесться очертанием их нрава, обычаев и образа жизни».

Автор приводит образцы фольклора, подразделяя его на три категории: предания, сказки и песни. Предания повествуют о происхождении людей, в частности алеутов, об их жизни до прихода русских, о потопе, о странствиях смельчаков, достигших северной оконечности Америки, о междоусобных войнах, есть сказочное предание о борьбе вулканов Алеутской гряды друг с другом. Такие предания-легенды распевались во время общественных праздников.

Песенный язык отличался от разговорного, но рифм и размера не было.

Из всех песен Вениаминов выделяет «шаманские», «которые были петы только во время шаманства или призывания духов», и «сценические», «употреблявшиеся при их сценических представлениях». В «Записках» приводятся тексты шести песен на алеутском языке и их переводы на русский язык.

Пели и танцевали алеуты под удары бубна.

Разделы «Записок», касающиеся системы родства и брачных отношений, были широко использованы Л.А. Файнбергом, показавшим наличие в алеутском обществе матрилинейности, дуальной экзогамии, сорората и левирата. В «Записках...» мы находим указания на существование многоженства и братской полиандрии, одновременно матри- и патрилокальности, а также их переходных форм в виде брака посещением или временной матрилокальности до рождения первого ребенка, бытование обычаев авункулата и аталычества.

Ни один добросовестный исследователь-этнограф не может обойти вниманием духовную культуру (религию, народное творчество и др.), как в зеркале отражающую уровень развития общества. Не составляет исключения и Вениаминов, уделивший значительное внимание этой стороне жизни алеутов.

Сведения о религиозных верованиях и народном творчестве алеутов, приведенные Вениаминовым, помогают полнее представить жизнь алеутского общества накануне русской колонизации. Духовная культура алеутов (и, в частности, материалы о ней в «Записках») является важным, но, к сожалению, еще недостаточно изученным источником по истории и этнографии этого народа.

Будет ли справедливо видеть в этнографическом наследии И.Е. Вениаминова лишь «хранилище фактов» или, как он писал из скромности, «не более как материал или материалы, разложенные по сортам почти без всякой отделки»?

Безусловно, одно из достоинств его труда – обилие и разнообразие собранных сведений. Но то главное, что отличает его работу от многих других,– это исследовательский, научный подход к описываемым явлениям и фактам. Этнографические материалы не разбросаны беспорядочно, а расположены в соответствии с определенным планом, отражающим стремление ученого охватить как можно более полно все стороны жизни алеутского общества. Хотя концепция автора не была законченной системой взглядов, для нее характерны реализм, умение разграничить старые самобытные явления и нововведения, способность уловить внутреннюю связь фактов, осмыслить их с исторической точки зрения.

Благодаря объективности и историзму научное наследие Вениаминова сохраняет свое значение и в наши дни. Наконец, яркий и сочный язык книги помогает нам полнее представить картину жизни алеутов XVIII – первой половины XIX в.

«Записки об островах Уналашкинского отдела» и вся этнографическая деятельность их автора – выдающееся явление в научной жизни России середины XIX в., тот рубеж, с которого во второй половине века начинается бурное развитие русской этнографической мысли, подарившее отечественной науке имена Н.И. Надеждина, А.Н. Афанасьева, Д.Н. Анучина, М.М. Миклухо-Маклая и других выдающихся исследователей.

Литература

Степанова М.В. И. Вениаминов как этнограф. – Труды Института этнографии АН СССР. Т. 2. М.; Л., 1947. С. 294–314.

Арсеньев А.А. Этнографическое наследие И.Е. Вениаминова. – Советская этнография, 1979, № 5. С. 76–89.

Филипп Москвитин «Святитель Иннокентий Вениаминов, апостол Сибири и Америки», 2010 г.

Протоиерей Виктор Горбач:

Мы считаем святителя Иннокентия небесным покровителем Сахалина и Курильских островов

В 2017 году исполняется 220 лет со дня рождения и 40 лет со дня общецерковного прославления известного православного миссионера и просветителя равноапостольного Иннокентия (Вениаминова). Эта личность, в которой объединились два главных качества русского человека – любовь к Богу и людям с любовью к своей Родине. Его жизненный подвиг и сейчас может являться примером стойкости, милосердия, высокого интеллектуального развития и жертвенности во имя людей и Отечества. 6 октября – День памяти святителя Иннокентия Московского, апостола Сибири и Америки, а еще – престольный праздник храма, названного в честь этого святого. О святом, храме в его честь, его прихожанах и церковной жизни рассказал руководитель миссионерского отдела Южно-Сахалинской и Курильской епархии протоиерей Виктор Горбач.

– Расскажите, кто такой митрополит Иннокентий (Вениаминов) и почему к его личности сегодня такое внимание?

– Это один из немногих святых в Русской Православной Церкви, который был канонизирован как равноапостольный. То есть, его служение признается Церковью наравне со служением апостолов.

– А чем он запомнился миру?

– Он много сделал для того, чтоб народы, которые

Отец Виктор Горбач в доме в селе Анга, где родился митрополит Иннокентий

проживали на Дальнем Востоке и на Аляске, узнали о православной вере. Строил храмы, учил детей…

– Строил?

– Будучи еще простым священником, он непосредственно участвовал в строительных работах. Святитель, кстати, научил северные народы делать кирпичи, плинфу, то есть принес, говоря современным языком, в их жизнь элемент инноваций.

– Передача технологий – так это сегодня называется.

– Можно и так сказать. Также он стал изучать языки местных народов, перевел для них Священное Писание, создал алфавит для алеутского языка. Целый алфавит, вы себе можете представить! Святитель очень много путешествовал. Вообще, когда читаешь его жизнеописание, то удивляешься, как за время земной жизни в условиях, когда не было ни машин, ни самолетов, ни мобильной связи, человек так много успел сделать.

– Еще интересный факт в его биографии – тот, что митрополит тесно общался с генерал-губернатором Муравьевым-Амурским. В частности, ездил с ним вместе на подписание мирного договора с Китаем. Как завязалась их дружба?

– Ну, здесь нет ничего необычного, на самом деле. Один был дальневосточным губернатором, другой – епископом. К тому же оба были патриотами и считали очень важным моментом освоение и закрепление на дальневосточных землях.

– То есть, это все по долгу службы?

– Можно и так сказать, но не только. Святитель Иннокентий был немного старше Муравьева-Амурского и оказывал на него серьезное духовное влияние. Святитель обладал стратегическим взглядом на многие вещи и по мере своих сил, осмысляя Священное Писание, осмысляя Православную культуру, помогал губернатору принимать те или иные политические решения.

– Например?

– Например, по замыслу святителя и с его благословения губернатор Восточной Сибири Муравьев-Амурский основывает на реке Амур, почти на границе с Китаем, город Благовещенск.

Под контролем Муравьева-Амурского и духовным окормлением святителя Иннокентия возникает город Владивосток и еще множество селений Приамурья и Приморья. Но главное, что там появляются православные храмы и часовни, строятся монастыри.

Кстати, приморский Свято-Троицкий мужской монастырь в Шмаковке, открытый Указом Государя Николая II в 1899 году, тоже задумывался еще святителем Иннокентием.

– Почему Святителя Иннокентия называют небесным покровителем Сахалина?

– Когда святитель был епископом Камчатским, Курильским и Алеутским, его епархия распространялась, в том числе, и на территорию Сахалина и Курильских островов. Да и обстоятельства, при которых святитель оказался на острове многие называют «Промыслом Божиим». В своих дневниках, отчетах он пишет о том, что неоднократно отправлял миссионеров на Курилы, и мы знаем, что проживающие на острове Парамушир коренные народы были крещены и сохранили Православную веру вплоть до своего исчезновения, когда находились под властью японцев.

– О каких народах вы говорите?

– Об айнах.

– Но айны существуют до сих пор.

– Но не на Курилах, где в результате политики японского правительства они полностью исчезли. Я говорю конкретно о Парамушире.

– Хорошо, вернемся к святителю Иннокентию и его связи с Сахалином...

– В 1861 году он побывал на Сахалине. Корабль, на котором он плыл, попав в сильный шторм, выбросило на мель. Так он и оказался на нашей земле. И для верующих православных людей этот его визит, пускай и незапланированный лично святите-

лем, имеет, конечно же, огромное значение. Важно, что такой человек при таких непростых обстоятельствах побывал на нашем острове, поэтому мы и считаем его небесным покровителем Сахалина и Курил.

И когда возникла Южно-Сахалинская и Курильская епархия, то одним из первых храмов у нас появился храм во имя святителя Иннокентия Московского на улице Пограничной. Также еще есть храм на острове Парамушир в Северо-Курильске, также посвященный Иннокентию.

– Сколько лет Южно-Сахалинскому храму на ул. Пограничной?

– С 1993 года, когда образовалась самостоятельная епархия, здесь находилась канцелярия, проживал епископ, а часть помещений было отдано под храмовое пространство. Затем епархиальное управление переехало в другое место, а здесь был зарегистрирован самостоятельный приход. Мы берем отсчет жизни нашей общины с 1994 года.

Вообще, в помещении, где первоначально размещался приход, был жилой дом.

– А что случилось с жителями этого дома?

– Жильцам дали нормальные квартиры, а полуразрушенный барак мэрия отдала церкви.

– Полуразрушенный? То есть, епархия его восстанавливала?

– Да, конечно, а кто ж еще. Изменили планировку, красили, белили, меняли трубы, провели канализацию. Участвовали как священнослужители, так и прихожане. Казаки помогли.

– Вы лично принимали участие в строительных работах? Как святитель Иннокентий, например.

– Нет, я тогда не был настоятелем этого прихода.

– А где вы были?

– Учился в школе. Мне было 15 лет.

– И, как я понимаю, этот дом стоит и по сей день?

– Вы абсолютно верно понимаете. Только сам храм переехал в другое здание, рядом. Специально построенное.

– Это потому что тот старый дом пришел в негодность?

– Нет. Дом был переделан под православный лекторий. Именно в нем мы сейчас с вами и сидим, беседуем.

– Почему тогда вы переехали в другое здание?

– Потому что места стало мало, людям негде было стоять. Помещение вообще не было приспособлено для богослужений.

– Что это значит?

– Потолок был низкий, быстро становилось душно. Иногда пожилые люди во время воскресной службы падали в обморок. Ну и конечно, было понятно, что нужно строить новый храм большего размера.

Не обошлось без сложностей, конечно. Встал вопрос с землей, было неоднозначное отношение депутатов Городского собрания, мы писали обращение к мэру, собирали подписи. Они даже где-то тут в лектории до сих пор лежат, несколько тысяч. В 2007 году мы получили это разрешение, как раз буквально за несколько дней до престольного праздника нашего храма (6 октября – прим. автора).

– В каком году храм был полностью готов?

– В 2009-м.

– На чьи деньги он строился?

– Нам помогла компания «Сфера» (Некоммерческая организация выполняет функции иностранного агента). Они же и проводили строительные работы.

– Сколько прихожан сюда ходит?

– По-разному. Вечером в субботу – человек пятьдесят. По воскресеньям – порядка ста человек. На двунадесятые праздники – до двухсот. На Пасху, Рождество Христово и Крещение Господне храм полностью заполнен.

Каждую субботу и воскресенье, а также в дни двунадесятых и великих праздников, совершается Божественная литургия. На приходе есть и свои святыни перед которыми регулярно совершаются молебны. Это иконы с мощами святителя Иннокентия Московского, с частицами мощей благоверных Петра и Февронии, с частицей мощей мученика Вонифатия.

Еженедельно по четвергам в храме проходят молебны перед иконой Божией Матери «Неупиваемая Чаша» о страдающих недугом алкогольной зависимости. Каждый вторник совершаются особые службы о болящих онкологическими заболеваниями перед иконой Божией Матери «Всецарица», которая также является одной из святынь прихода.

– Сколько постоянных прихожан?

– Постоянных около двухсот пятидесяти человек. Но помимо этого постоянно кто-то приходит, например, покреститься. Каждую неделю крестится в среднем около пяти человек.

– Кто эти люди? Они взрослые? Либо же мамы и бабушки приносят младенцев?

– В основном крестят детей. Но бывает, принимают Крещение и взрослые.

– Какой процент молодежи среди прихожан?

– Где-то около трети. Многие из них, кстати, в Брат-

стве (Александра Невского – прим. автора). К слову, Братство здесь и образовалось, можно сказать.

У нас было два прихожанина, которые занимались спортом. Однажды они подошли ко мне и сказали, что хотят открыть спортивную секцию. Я предложил им создать не просто секцию, а общественное движение. Часть ребят из этой «секции» увлекалась спортом, часть – изучала Православие. Потом компания разделилась на спортсменов и тех, кто больше интересовался религией. Последние стали проводить общественные акции, заниматься просветительской деятельностью. Из них и сформировалось Братство Александра Невского.

– Из кого состоит Братство?

– Это молодежная организация. Состоит преимущественно из молодежи, но есть и представители среднего возраста.

– Чем занимается эта организация?

– Как я уже и говорил, общественными мероприятиями, благотворительной и просветительской деятельностью. Например, каждый год в день Крещения Руси мы проводим акцию «Мы называем себя православными, а надо ими быть». Рассказываем горожанам об истории праздника, о его сути и значении в жизни человека. Есть также акции патриотической направленности: каждое 4 ноября мы проводим праздничное молодежное шествие. Или, например, проводим акцию «Сотвори свое чудо», когда каждый год перед праздником Рождества мы собираем деньги на подарки детям-сиротам и детям из малообеспеченных семей. Потом ездим по детдомам с развлекательной программой, рассказываем детям о Рождестве. Ну и, конечно же, организуем «Берег притяжения».

– Это тоже организует Братство?

– Да. Ежегодно в июле в селе Дуэ Александровск-Сахалинского района. Как раз на том берегу, на котором незапланированно высадился (улыбается) святитель Иннокентий. Это самое крупное наше мероприятие – палаточный лагерь.

– Сколько человек туда приезжает?

– Среднее количество участников лагеря – 100 человек. В целом за 10 лет существования лагеря там побывало около 1000 молодых людей.

– Кто приезжает в лагерь? Это дети из православных семей или в том числе из светских?

– Приезжают самые разные ребята. Большинство из них, конечно, интересуются православной культурой. Есть даже те, кто специально приезжают в наш лагерь, чтобы принять Крещение. Это как раз дети из светских семей.

– И как меняется их жизнь после лагеря? Они становятся более воцерковленными?

– Дети постепенно воцерковляются еще до принятия таинства Крещения, как правило. Само крещение – это уже кульминационный момент. Они к этому подходят с осознанием и решительностью.

– Вернемся к храму. Вот это вот здание, в котором мы сейчас находимся, лекторий. Для чего он?

– Здесь мы проводим различные встречи: Евангельские и огласительные беседы (для тех, кто хочет креститься). Здесь также располагается воскресная школа. По понедельникам здесь проводятся те самые собрания Братства Александра Невского.

Еще здесь проходят собрания организации «Трезвый Сахалин», куда приходят люди, которые пострадали от алкоголизма или наркомании или их родственники. Им оказывают помощь, дают консультации.

Еще проводятся занятия для молодых семей о воспитании детей и так далее. Также при храме работает консультационный центр по поддержке людей, пострадавших от деятельности деструктивных культов, тоталитарных сект.

– Расскажите про братию храма, про его певчий состав, про чтецов.

– В нашем приходе кроме меня служат еще два священника. Протоиерей Александр Пежемский и иерей Юрий Добренко. Хор полностью состоит из волонтеров.

– То есть деньги они не получают?

– Они приходят участвовать в богослужениях не ради денег. У них есть работа, а в свободное от нее время они посвящают себя Церкви. И я хочу сказать, что это заслуживает большого уважения. И я сейчас говорю не только о певчих.

– О ком еще?

– Люди приходят для того, чтоб помочь с уборкой по храму. Кто-то помогает с ремонтом. А по поводу певчих хочу отметить, что это немалый труд. Здесь нужно непрерывно участвовать в богослужении, нельзя отвлекаться ни на минуту, как это может случиться с другими прихожанами. Нужно включаться в службу, понимать, о чем идет речь, какое песнопение будет следующим. Все тексты написаны на церковно-славянском языке. Значит, еще и язык надо знать. Дело сложное, но почетное.

Как видно храм – это не просто здание, а настоящее живое сердце. Это центр притяжения, который собирает вокруг себя всех, кому нужна помощь: духовная, моральная, физическая, материальная, и кто эту помощь хочет и может оказывать. Это место, где можно себя реализовать и детям, и молодежи, и людям среднего возраста, и пожилым.

Беседовал Роман Худжаниязов

Аскетические воззрения святителя Иннокентия (Вениаминова)
по письмам дочери Поликсении, монахини Борисовской Богородицко-Тихвинской пустыни

Протоиерей Сергий Дергалев,
г. Белгород

Дочь святителя Иннокентия (Вениаминова) Прасковья Ивановна Вениаминова приняла постриг с именем Поликсения и подвязалась монахиней в Борисовском Тихвинском монастыре.

Письма святителя Иннокентия дочери рассматривал известный историк протоиерей Леонид Константинов в статье «Потомки святителя Иннокентия Московского (их связь с Белгородчиной)» из книги «Живое слово»[1]. В ней приведены три письма к дочери без попытки их анализа, а всего существует семь писем в I томе «Письма Иннокентия митрополита Московского и Коломенского», пять писем во II томе и одно письмо в III томе – всего тринадцать писем.

Как известно, у будущего святителя было семеро детей[2], двое из которых умерло. Сыновья после смерти его жены Е.И. Шариной – Гавриил и Иннокентий – были определены в Санкт-Петербургскую Духовную семинарию. Впоследствии Гавриил стал священником и главным помощником святителя. Что касается Иннокентия, то о нем святитель в одном из писем упоминает, что тот находится в тюрьме и деньги давать ему опасно[3].

Трое дочерей – Екатерина, Ольга и Прасковья – воспитывались в Санкт-Петербургском Доме трудолюбия на иждивении их императорских высочеств государей Великих князей[4].

Екатерина Ивановна Вениаминова вышла замуж за будущего священника Илью Петелина[5]. Ольга Ивановна Вениаминова вышла замуж за сына пресвитера Н.В. Музовского – духовника императора Николая I[6], и лишь Прасковья Ивановна Вениаминова пожелала уйти в монастырь.

Именно о переписке с Прасковьей и пойдет речь. К сожалению, сохранились только письма святителя, но они дают достаточно полное представление об аскетических воззрениях святителя Иннокентия.

По письмам святителя мы видим, что он с необыкновенной радостью узнал о желании дочери

вступить в монастырь и во многих письмах постоянно поддерживал это ее намерение.

В письме от 4 июля 1850 г. святитель пишет: «Хвалю, благословляю и одобряю твое намерение идти в монастырь… Прекрасно ты говоришь, что ты «хочешь идти в монастырь для спасения души», а не для чего-либо другого… исполнение этого желания есть верх совершенства христианина»[7].

В другом письме от 18 июня 1851 г. есть такие слова: «Радуюсь и благодарю Бога, что ты избрала благую часть, которая не отнимется от тебя»[8].

В письме от 24 мая 1852 г. святитель снова говорит: «Да укрепит тебя Господь Бог до конца жизни твоей в твоем намерении посвятить себя Господу, Небесному Жениху»[9].

Когда святитель Иннокентий приводит аргументы в пользу принятия монашества, то высказывает следующие мысли: «Конечно, монастырь для молодой девушки почти то же, что гроб; но гроб этот может быть источником жизни и нетления»[10]; «посмотри ты на других: много ли достается радостей на долю женщин? Кажется, они счастливы и блаженны только до первого ребенка; а там – почти беспрерывные хлопоты, заботы, печали и скорби»[11]; «сестра твоя Катя завидует тебе, что ты пошла в монастырь…, если бы она знала, что значит быть замужем и иметь детей, то никогда бы не пошла замуж»[12]; «старшая сестра твоя завидует теперешнему твоему состоянию, при всем том, что муж ее человек кроткий, с которым у них в течение 13 лет не было перечного слова, и дети очень умные и здоровые; но при всем том она считает тебя счастливее себя»[13].

Когда у Ольги, сестры Прасковьи, умер муж, святитель написал Прасковье: «У тебя не будет болен и не умрет твой муж. Небесный Жених твой бессмертен»[14].

Филипп Москвитин «Святитель Иннокентий причащает алеутов», 2012 г.

Интересно, что когда дочь просила отца о свидании, тот отвечал ей как истинный монах: «Ты желаешь со мною свидеться, – не знаю, едва ли мы когда увидимся с тобой здесь, на земле, да и что в здешнем свидании? Несколько минут радости, а там – равнодушие. Надобно стараться, и дай, Господи, нам увидеться там, на небеси!»[15]. Подобные мысли в переписке с дочерью он высказывает не один раз. В отношении общения с дочерью выдерживается исключительно монашеский дух: «Не думай, что я оттого редко пишу письма, что забываю тебя; нет, моя возлюбленная, … да и притом монахам и монахиням почти и не следует писать писем, дабы не развлекать их»[16].

Теперь рассмотрим аскетические заветы святителя дочери.

Главный завет, который повторяется в каждом письме – завет о молитве. Письмо от 4 июля 1850 г.: «Только прежде научись молиться»[17]. Письмо от 18 июня 1851 г.: «Только не будь беспечна; молись как можно более, чаще и усерднее»[18]. Письмо от 24 мая 1852 г.: «Молись, друг мой, как можно более; принуждай себя к молитве; охота к молитве есть дар Божий, который дается не всегда, но непременно дается тем, кто принуждает себя молитве. Сначала тяжело и трудно кажется; а чем далее, тем легче и легче; а когда получишь дар молитвы, тогда ты ничего лучше не будешь желать, кроме молитвы»[19]. Письмо от 3 августа 1853 г.: «Молись, молись и молись, – и спасешься сама и спасешь многих, и мне поможешь»[20]. Письмо от 18 ноября 1854 г.: «Молись и терпи, терпи и молись, и трудись»[21]. Письмо от 18 октября 1858 г.: «Молись, дружок мой, молись… Без келейной молитвы не будет истинной молитвы и общественной»[22]. Письмо от 23 июля 1859 г.: «Молись, молись и молись – и Господь наставит тебя на путь спасения»[23]. 17 февраля 1861 г.: «Молись, молись и молись, и борись»[24]. Письмо от 20 января 1863 г.: «Читай Евангелие и молись»[25].

По приведенным цитатам видно, что ни одного письма святитель не отправляет без совета о молитве, а в некоторых акцентирует внимание на молитве, повторяя это слово трижды. Причем, в одном из приведенных писем он указывает на принуждение себя к молитве.

Один из настойчивых советов святителя Иннокентия был посвящен борьбе со страстью сребролюбия. Когда сестра Прасковьи Ольга умерла, по завещанию Прасковье досталось 1000 руб. серебром, и у нее в руках оказалась сумма около 2500 руб. серебром. Об этом известно из писем святителя[26]. Он просил 1000 руб. передать для сестры Екатерины и брата Иннокентия, которые находились на тот момент в сложном материальном положении: «Я бы советовал тебе те деньги, которые тебе дала Оленька, разделить Кате и Иннокентию»[27]. Данная просьба от святителя прозвучала в письмах четырежды, но Прасковья ничего не отвечала отцу на нее по неизвестной причине.

В одном из писем дочь просит отца научить ее спасаться: «Ты в письме твоем просишь меня научить тебя спасаться»[28]. По своему смирению святитель пишет, что готов сам попросить у нее совета. В другом письме находим следующую фразу: «Учить тебя монашескому житию я не умею, потому что я никогда не был рядовым монахом, – значит, не знаю опытом, что значит быть под началом: подобным вещам может учить только опытный»[29], но при этом святитель дает ей несколько советов по борьбе со страстями.

В первую очередь он предлагает понуждать себя к добродетели: «Ибо Царство Божие нудится, – без принуждения себя не достигнуть оного»[30].

Святитель советует утруждать тело поклонами: «Ежели нет никакой работы, то чаще клади поклоны в келье твоей, т.е. утомляй твое тело»[31].

Один из важных советов святителя дочери – борьба со страстями: «Вся задача, весь подвиг твой в том и состоит, чтобы бороться со своими страстями. Борись – помни, что ты в Борисовке: следовательно – борись»[32].

Он советует стремиться к главной добродетели христианина – смирению – таким образом: «Нигде, ни в чем не считать себя выше других …, считать себя ниже других …, никого не осуждать, ни на кого не сердиться …, не считать себя правою … считать себя землею и пеплом»[33].

В отношении страсти гнева он дает такие советы: «После вспышки гнева по несколько времени молчать, а если кого оскорбишь во гневе своем, то проси прощения каждый раз»[34].

О борьбе с ленью святитель говорит: «А с леностью борись, по крайней мере, не поддавайся ей; положенное правило исполняй, – хоть и не хочется, но непременно исполняй; в этом малопомалу будешь одолевать свою леность»[35]. В другом письме пишет: «Борись с собою и со своей ленью. Не отчаивайся, если иногда и она тебя поборет, – ничего; только не лежи, а вставай; по крайне мере употребляй все усилия встать – и Господь, видя твое усердное желание встать, поможет тебе»[36].

В отношении послушания святитель Иннокентий советует: «Благо тебе, если ты отсекаешь свою волю и исполняешь волю матушки-игуменьи. Чем более ты будешь послушна ей и чем менее будешь исполнять свою волю, какова бы она ни была, тем ближе будешь ты ко спасению»[37].

Если подойти к анализу аскетических воззрений святителя Иннокентия на основе приведенных отрывков из писем, становится понятно, что святитель не был знаком с аскетической святоотеческой письменностью, к которой можно отнести «Поучения» аввы Дорофея, «Лествицу» прп. Иоанна Лествичника, «Добротолюбие» – собрание аскетических текстов восточных отцов IV–XV вв., ведь эти тексты появились на русском языке достаточно поздно: «Поучения» аввы Дорофея – в 1856 г.[38]; «Лествица» прп.Иоанна Лествичника – в 1861 г.[39]; «Добротолю-

бие» было полностью издано только в 1890 г.[40], уже после смерти святителя.

Вся жизнь святителя Иннокентия была посвящена миссии, и он много потрудился ради переводов текстов Евангелия и других богослужебных книг для народов, среди которых совершал миссионерское служение. Хотя у него не было возможности изучать аскетическую литературу, мы видим из писем к дочери, что святитель был настоящим монахом и аскетом.

Он постоянно нацеливал дочь на молитву, на самопринуждение к духовной жизни, на борьбу со страстями гнева, сребролюбия, гордости и указывал общехристианские способы борьбы с ними. Подчеркивал необыкновенную важность смирения и способы научения ему. В самом последнем письме предлагал дочери поменяться кельями с игуменьей монастыря в связи с тем, что келья дочери была лучше, чем келья игуменьи[41]. Отказывал ей в свидании и мало писал, что также говорит о его сугубой монашеской настроенности.

Несомненно, святитель Иннокентий был выдающимся миссионером, глубоко настроенным на аскетическую жизнь.

Святитель Иннокентий, моли Бога о нас, помоги иметь такое же стремление к проповеди Евангелия и аскетической жизни, какое имел ты.

Литература

1 Константинов, Л., прот. Потомки святителя Иннокентия Московского (их связь с Белгородчиной) // Живое слово [Электронный ресурс] – URL: http://www.nikolo-ioasaf.ru/index.php?catid=59:zhivoe-slovo&id=244:zhivoe-slovo-083&Itemid=94&option=com_content&view=article

2 Курляндский, И. А., Иннокентий // Православная энциклопедия [Электронный ресурс] – URL: http://www.pravenc.ru/text/389619.html

3 Письма Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского: в 3 кн. / собр. Иваном Барсуковым. – СПб., 1897. – Кн.1. – с. 414.

4 Там же – с. 276.

5 Константинов, Л., прот. Потомки святителя Иннокентия Московского (их связь с Белгородчиной) // Живое слово [Электронный ресурс] – URL: http://www.nikolo-ioasaf.ru/index.php?catid=59:zhivoe-slovo&id=244:zhivoe-slovo-083&Itemid=94&option=com_content&view=article

6 Письма Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского: в 3 кн. / собр. Иваном Барсуковым. – СПб., 1897. – Кн.1. – с. 400.

7 Письма Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского: в 3 кн. / собр. Иваном Барсуковым. – СПб., 1897. – Кн.1. – с. 262.

8 Там же – с. 277.

9 Там же – с. 366.

10 Там же – с. 277.

11 Там же – с. 277.

12 Там же – с. 278.

13 Там же – с. 366.

14 Там же – с. 399.

15 Письма Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского: в 3 кн. / собр. Иваном Барсуковым. – СПб., 1897. – Кн.1. – с. 262.

16 Письма Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского: в 3 кн. / собр. Иваном Барсуковым. – СПб., 1898. – Кн. 2. – с. 174.

17 Письма Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского: в 3 кн. / собр. Иваном Барсуковым. – СПб., 1897. – Кн.1. – с. 262.

18 Там же – с. 277.

19 Там же – с. 367.

20 Там же – с. 400.

21 Там же – с. 435.

22 Письма Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского: в 3 кн. / собр. Иваном Барсуковым. – СПб., 1898. – Кн. 2. – с. 132.

23 Там же – с. 175.

24 Там же – с. 276.

25 Там же – с. 361.

26 Письма Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского: в 3 кн. / собр. Иваном Барсуковым. – СПб., 1897. – Кн.1. – с. 413.

27 Там же – с. 414.

28 Письма Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского: в 3 кн. / собр. Иваном Барсуковым. – СПб., 1898. – Кн. 2. – с. 39.

29 Письма Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского: в 3 кн. / собр. Иваном Барсуковым. – СПб., 1901. – Кн. 3. – с. 361.

30 Письма Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского: в 3 кн. / собр. Иваном Барсуковым. – СПб., 1897. – Кн.1. – с. 278.

31 Там же – с. 435.

32 Там же – с. 478.

33 Письма Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского: в 3 кн. / собр. Иваном Барсуковым. – СПб., 1898. – Кн. 2. – с. 39-40.

34 Там же – с. 40.

35 Письма Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского: в 3 кн. / собр. Иваном Барсуковым. – СПб., 1897. – Кн.1. – с. 478.

36 Письма Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского: в 3 кн. / собр. Иваном Барсуковым. – СПб., 1898. – Кн. 2. – с. 40.

37 Там же – с.175

38 Бернацкий, М. М., Дорофей Газский // Православная энциклопедия [Электронный ресурс] – URL: http://www.pravenc.ru/text/180299.html

39 Дионисий (Шлёнов), игум., Кордочкин А., свящ., Иоанн Лествичник // Православная энциклопедия [Электронный ресурс] – URL: http://www.pravenc.ru/text/471351.html

40 Дионисий (Шлёнов), игум., Добротолюбие // Православная энциклопедия [Электронный ресурс] – URL: http://www.pravenc.ru/text/178682.html

41 Письма Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского: в 3 кн. / собр. Иваном Барсуковым. – СПб., 1901. – Кн. 3. – с. 219.

МОЛИТВА – ЖИЗНЬ – МИССИЯ

Епископ Серафим (Сигрист)

Христиане всегда понимали, что молитва необходима в их жизни и что к миссии они призваны Самим Господом. Тем не менее, мне кажется, что многие или большинство христиан ощущают тяжесть на совести, когда думают о своей молитвенной жизни и о миссионерском служении. Возможно, это два самых неисполняемых требования среди всех требований, предъявляемых к нашей жизни, и именно с констатации этого факта я бы хотел начать рассмотрение вопроса о молитве и миссии сегодня.

Это банальность, но в то же время правда, что наша жизнь сейчас фрагментирована. Возможно, это было так у всех людей во все времена, но в наше время это усугубляется из-за скорости и доступности информации, а также благодаря тому, что мы встречаемся с огромным количеством людей, общаемся с ними по мобильным телефонам и по электронной почте, пользуемся интернетом. И все эти контакты предъявляют к нам разнообразные требования, раздергивая нашу жизнь в разных направлениях. Наш день разделен между этими многими нуждами, и каждая встреча требует нас целиком, и кажется, что для нас самих просто ничего не остается. Если мы воспринимаем жизнь таким образом, то тогда в середине всех наших действий и встреч мы чувствуем усталость, пустоту, подчас даже скуку.

Как христиане, мы понимаем, что миссия – это то, что мы должны делать: представлять Христа другим людям и говорить им о Воскресшем Господе. И в то же время, если мы хотим сказать людям что-то, то мы должны войти в отношения с ними, и это означает, что мы должны также их слушать. Церковь призвана выслушивать мир, я, как христианин, обязан выслушивать друга-нехристианина. По-настоящему слушать – это значит принимать, что мы можем услышать что-то ценное. Невозможно слушать другого лишь для того, чтобы продолжить свою собственную аргументацию. На библейском языке это принятие того, что мы находим завершение друг в друге. «Носите бремена друг друга», «пусть каждый заботится не о себе, но о других». Но в этом случае, если миссия – это слушание в такой же мере, как говорение, то не боимся ли мы потерять границы? Где тогда центр?

Можно сказать: в Церкви, и это не будет неправильно. Отец Питер Гилквист, нынешний директор отдела евангелизации Антиохийской церкви в Америке, чей отдел открыл более ста новых приходов, раньше был протестантским молодежным работником. Он вспоминает, что они тогда многих людей убедили стать христианами, но куда те могли пойти? Где во всем этом была Церковь? И этот вопрос стал частью его собственного пути в Православную Церковь. Однако и здесь приведение людей в Православную (или какую бы то ни было другую) церковь – не конец миссии. Если эти люди (как и мы сами) еще не встретили живого Христа, то и у них,

и у нас глубина христианской жизни недостаточна. Церковь может стать, как и все в нашей сегодняшней жизни, еще одним требованием к нам, вернее, сразу многими требованиями – читать Библию, участвовать в Евхаристии, посещать различные службы, заботиться о поддержании прихода и т.д.

Короче говоря, похоже, что наша жизнь в миру, со всей ее многозадачностью и всеми требованиями, по форме не отличается от того, что мы находим, приходя в церковь. И здесь опять же, есть набор требований и есть риск здесь, в доме Божием, опять задуматься «а где же я сам?», почувствовать пустоту и прикосновение тяжелой скуки.

Подчеркивая все это, я показываю необходимость некоторого центра, где мы могли бы быть самими собой, в мире пред Богом, и затем уже – во всех наших делах. Я вижу молитву таким объединяющим все принципом. Не молитву как еще одно требование, возложенное на уже отягощенную жизнь, а молитву как атмосферу соединения всех фрагментов нашей жизни.

Самая ранняя книга о молитве была написана Оригеном, и в ней он говорит о том, что мне кажется самой сердцевиной нашей проблемы. «Постоянно молится тот, кто соединяет молитву с необходимыми делами, а дела – с молитвой. Только в этом случае мы находим возможность исполнить заповедь молиться непрестанно. Тогда все христианское существование может рассматриваться как одна огромная молитва. А то, что мы привыкли называть молитвой, – это только часть ее».

А современный духовный писатель Генри Ноуен выражает эту необходимость найти центр для соединения всей жизни в молитве такими словами: «Нам нужен такой способ жизни, в котором все, что мы делаем, становится молитвой... Не просто произносить молитвы, но жить молитвенной жизнью, укорененной в центре, где все элементы нашей жизни встречаются, как спицы колеса».

Может показаться, что для достижения этого надо найти некую технику, которая позволила бы обрести эту «центричность», подобно Иисусовой молитве или какому-либо другому способу молитвы. Это хорошо, но это вторично по отношению к тому движению сердца, в котором могла бы жить молитва. А без этого сердечного движения есть риск, что любая техника будет действовать только короткое время, а потом мы устанем от нее, как от многих других наших дел.

Я хочу предложить вам пример человека, в чьей жизни этот подход к постоянной молитве осуществился и который говорит о нем ясно и просто. Это брат Лоренс, монах, живший в XVII веке и написавший маленькую книгу «Практика Божьего присутствия», ставшую для многих очень полезной. А потом я вернусь к теме миссии.

Брат Лоренс (1610–1691) в ранние годы своей жизни был солдатом в Тридцатилетней войне. Он чудом избежал виселицы от шведов, которые заподозрили его в шпионаже, арестовали, а потом отпустили. После войны он работал лакеем, потом попытался вести монашескую жизнь в скиту, но безуспешно, а потом пришел к оседлой жизни в кармелитском ордене как брат-мирянин. Он увидел, как и многие, что жизнь – это поле битвы и внешней, и внутренней жажды, но в своем принятии этого он обрел глубину, что стало примером для многих в его время, да и в не меньшей мере сейчас.

Я бы очень рекомендовал эту книгу каждому – она короткая, существует в русском переводе, даже в интернете – по крайней мере для ознакомления, чтобы увидеть, как она полезна для вас. А сейчас я прокомментирую несколько абзацев из «Второй беседы» этой книги, в которой, как мне кажется, описана суть его опыта и осмысления.

1. Брат Лоренс сказал, что раньше он был очень обеспокоен мыслями о своей вечной погибели, но в конце концов он решил эту проблему, заявив, что всю оставшуюся жизнь будет стараться любить Бога, а все, что из этого будет вытекать, хорошо. И после этого «он прожил свою жизнь в совершенной свободе и постоянной радости». У всех нас есть мысли, удерживающие нас по крайней мере частично во внутреннем мраке и уносящие мир. Не в том дело, какие конкретно, для каждого это по-своему: какой-то страх, какая-то обида, неуверенность... Когда нам удается перестать бороться со всем этим и сказать: пусть будет как есть, а я буду стараться помнить о Боге, то эти внутренние тени теряют свою пугающую силу.

2. Он выработал навык постоянной внутренней беседы с Богом. «Мы должны идти с Богом в великой простоте, говоря с Ним прямо и честно. Мы должны просить Его о помощи в наших повседневных делах в то время, как они происходят. Что брат Лоренс точно знает по опыту, так это то, что Бог никогда не отказывается дать такую помощь». Итак, дело предается Богу со словами: «Я не смогу этого сделать, если Ты не поможешь мне». А если не получается, то можно сказать: «Я никогда не смогу сделать лучше, если Ты не поможешь мне, не уберешь мои слабости и не добавишь то, чего не хватает». После этого он позволял себе не испытывать тяжести от своего провала.

3. Даже в тех делах и обязанностях, к которым он чувствовал отвращение, вроде работы на кухне или путешествий за провизией, когда он каждую секунду предавал их Богу, он обретал совершенный мир и – успех.

4. Хотя он и следовал монастырскому молитвенному правилу, но «для него специально выделенное для молитвы время ничем не отличается от любого другого времени», так как «даже самые тяжелые работы никогда не отрывали его от Бога».

Конечно, эти простые принципы брата Лоренса не дадут одинаковых результатов в двух разных людях. Но я думаю, что их важно помнить и возвращаться к ним опять и опять. Знать о наших

провалах, наших ограничениях, повторяющихся бесполезных мыслях и поступках. Но не быть побежденными всем этим, а рассказывать об этом Богу, возвращаясь в настоящий момент готовыми принять то, что будет происходить здесь и сейчас. И каждую секунду благословлять и благодарить Бога за все маленькие дары каждого мига и за каждого человека, с которым мы встретились, – это тоже дает нам свободу принимать жизнь такой, какая она есть. Его простая «практика» показывает нам, как освободиться от эгоцентричности и открыть дверь к большей жизни.

Вначале мы отметили глубокую проблему нехватки центричности, от которой особенно страдают современные люди (а возможно и все люди во все времена), и то, как подобное структурирование нашей жизни и в миру, и, в значительной степени, в Церкви делает затруднительным выполнение нашей миссии и даже концептуализацию ее – именно из-за нехватки глубинной центричности.

Приводя в пример жизнь брата Лоренса в постоянной беседе с Богом, мы можем тоже наткнуться на возражение: этот постоянный разговор с Богом не отделяет ли нас друг от друга и не делает ли обычную беседу невозможной? Нам представляется, что ровно наоборот. Когда мы сами находимся в Боге и видим других в их отношениях с Богом, мы ощущаем себя ближе друг к другу. Это подобно тому, как в большом городе, вроде Москвы, когда мы спускаемся в метро, мы становимся ближе к любой части города, – так и в глубине, где каждая личность начинается и заканчивается в Боге, мы обнаруживаем друг в друге глубинную общность.

Или еще по-другому: мы знаем, что всякий круг имеет бесконечное количество радиусов, которые на удалении от центра становятся все дальше друг от друга, но в центре они все встречаются. Так и с нами: каждый из нас в своем опыте путешествия по жизни, где мы страдаем, радуемся и совершаем открытия, движется в уникальном направлении в пространстве, как никто другой, но есть центр, где независимо от нашего опыта и индивидуальности мы пребываем в Боге и в общении друг с другом.

Итак, жизнь, укорененная в молитве, в знании о Боге и в приближении к Нему, становится очень близкой к жизни всех других... А по мере того, как мы теряем эту центричность, мы становимся людьми, с которыми трудно иметь дело и которым трудно иметь дело с другими и принимать их.

Тогда миссия – это совместное путешествие (Церкви и мира, а в меньшем масштабе – христианина и нехристианина) к центру, ко Христу. Присоединиться к Церкви, воцерковиться – это тоже еще не «прибытие на место», как если бы задачей миссии было бы привести людей в церковь, закрыть за ними дверь, – и все, но это путешествие через Слово Божие к его глубине во Христе и через таинства – к Самому Господу, Который дает Свое Тело и Кровь нам.

Именно фрагментированность нашего времени позволяет нам особенно осознать нашу нужду во внутренней центричности, она же показывает нам, что миссия – это не просто формальные действия с целью «убедить» людей, но данное нам Господом призвание – выйти за пределы форм к реальности и путешествовать вместе – как общине во Христе и как миссионерам – с теми, кто еще не знает Христа.

Пример этому можно найти в словах первой главы Евангелия от Иоанна, где ученики спрашивают Иисуса: «Учитель, где Ты живешь?» – а Он отвечает: «Придите и посмотрите», – и они отправляются в путь вместе туда, где Он живет.

Если усложненность, лицемерие, притворство, страхи и иллюзии являются симптомами разделенного состояния мира, то противоположные им черты, описывающие природу этой миссии как внутреннего путешествия к Господу: простота, смирение, подлинность, реальность и мир – эти качества, которые вытекают из жизни, укорененной в молитве, – они и есть путь и цель миссионерского путешествия.

Мы можем найти много примеров молитвы, беседы с Богом и ее действия в жизни. Мы немного говорили о брате Лоренсе, а можно вспомнить в наше уже время слова о. Льва Жилле на похоронах богослова о. Павла Евдокимова: «Казалось, что он всегда пребывал во внутренней беседе с Богом». Мы можем подумать о примере Брата Роже из Тэзе, который говорил о жизни как паломничестве доверия на земле, где в каждый момент мы «простираемся» в доверии к Богу.

Но так же, если мы хоть на миг видим друг друга во Христе, мы узнаем о существовании такого центра в жизни каждого человека без исключения, даже в тех, кто очень далек от его осознания...

Мы видим, как в конце нашего миссионерского путешествия мы, люди с разным жизненным опытом, собираемся во Христе и наша песня становится «хором центров», как сказал один древний писатель, размышлявший о накладывающихся друг на друга различных кругах с общим центром. По мере того, как мы осознаем, что это может быть и должно быть, мы освобождаемся от страха разделений, смущений и беспорядка в мире и Церкви, потому что мы обнаруживаем, – хоть чуть-чуть – чем в действительности является Церковь во Христе.

Перевод с английского
Андрея Черняка

Экклезиологические основания православной миссии

Давид Гзгзян

При рассуждении об экклезиологических основаниях миссионерских усилий православному сознанию, в особенности богословски ясно оформленному, привычно исходить из надежных догматических представлений. Типичность такого хода мысли для православного сознания диктуется его общеизвестным свойством видеть само существо православия в том, что оно способно хранить неповрежденной истину Откровения, выраженной в lex credendi и lex orandi.

Неудивительно поэтому, что нередко в первую очередь говорится о Троичном откровении и образе бытия Троицы, о соединении божественной и человеческой природ во Христе. А также о единстве христологического и пневматологического аспектов Божественного откровения и – соответственно – бытия Церкви. Рассуждения такого характера часто сопровождаются традиционными оговорками, иногда весьма пространными, об отсутствии в православном понимании сущности Церкви каких бы то ни было излишеств и неоправданных дополнений. Кроме того, немаловажно, что указанные догматические основы существования церкви выступают еще и принципами устроения Церкви, т.е. вписанными в саму ее структуру, что едва ли не автоматически предполагает, что и в саму ее жизнь тоже. Иначе говоря, считается принципиально важным соблюдать принцип абсолютного единства Откровения, учения и самой устроенности церковной жизни. Это единство делает и православное богословие, и сам образ жизни Церкви мистическими по преимуществу, как это утверждает, например, В.Н. Лосский.

Можно, пожалуй, говорить о появлении своеобразной стилистики свидетельства о православной церковности, в которой убеждение в том, что домостроительство Троицы действительно открывает полноту даров, соседствует с уверенностью, что приобщение к этой полноте тождественно приобщению к истине Православия.

Трудно себе представить вменяемого православного, который отказался бы подписаться под подобными декларациями. Всякому действительному православному принципиально важно идентифицировать себя причастным полноте Христовой истины, без чего невозможно представить себя причастным реальности Церкви. Для православного сознания мистическая действительность

Церкви исполняется в самих ее членах, собранных вместе во имя Христово. Известно также, что наиболее явным образом такой собранности издревле почитается евхаристическое собрание, призванного явить мистическое единство жизни отдельного человека, общины и Божественного присутствия.

Отсюда и предельные декларации, которые можно встретить в обобщающих догматических трудах у православных богословов: «Православное вероучение содержит в себе все истины необходимые для спасения»[1] или «Православие – это Церковь Христова на земле»[2]. Стоит, правда, обратить внимание и на некоторую разницу в акцентах. В первом высказывании специально подчеркивается, что Православие объемлет всю полноту истины, в то время как второе предполагает важный момент осуществления Христовой Церкви на земле, полнота которого поэтому совсем не гарантирована. Прот. Сергий Булгаков специально далее подчеркивает, что «Существо Церкви есть божественная жизнь открывающаяся в тварной; совершающееся обожение твари силою Воплощения и Пятидесятницы».

Естественно, что «ранее всякого исторического раскрытия и определения Церковь должна быть понята как некая божественная данность»[3]. Однако в соотношении данности и динамики бытия Церкви полезнее не столько формально констатировать единство двух моментов, а проследить известную проблематичность их соотношения. Мы рискнем даже утверждать, что эти акценты совсем не случайно часто сталкиваются, так что в том или ином виде эти два образа бытия церкви составляют основную контроверзу именно для православного церковного сознания. Достаточно вспомнить непростой вопрос о соотношении собственного жизненного и институционального начала в церкви. С одной стороны, мы чаще, чем хотелось бы, имеем дело с констатацией фактического присутствия в православии всей полноты истины, что вынужденно приводит к статическому и внеисторическому толкованию церковного учения и самого бытия. Обычно в этом случае оно кристаллизуется в формальном устройстве церкви и чинопоследованиях таинств. С другой – мы изредка наблюдаем особенный акцент на развертывании реальности Церкви в истории, и соответственно, имеем дело преимущественно со сложностями фактического исполнения того, что в рамках первого толкования уже объявлено практически существующим в полноте.

Прот. Сергий Булгаков специально подчеркивает особый динамизм, характерный для бытия Церкви в истории. Он говорит о качестве церковной жизни, которая выражается в «соборности как активном соборовании», т.е. «глубоком и внутреннем соединении человечества, которое является разъединенным на поверхности эмпирического бытия»[4]. Очевидно, что такое соединение, осуществляемое на духовной глубине, не одномоментно, а является предметом непрерывных усилий, растянутых во времени.

В этом своем динамическом проявлении «соборования» Церковь в первую очередь и является как собрание, в самой природе которого заложено усилие миссии. Собрание учеников Христовых соответствует своему призванию только тогда, когда оно, собираясь изнутри, одновременно открывает свои духовные резервы для действенного свидетельства внешнему, еще не собранному человечеству о возможности войти в этот чудный мир единства со Христом в Боге, где правит Его любовь в многообразии взаимно усиливающих друг друга даров Духа.

В самом деле, Христос, отходя от учеников во славу Отца, напутствует их словами «идите и научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Св. Духа, уча их всему, что я заповедал вам» (Мф 28:20). Залогом этого усилия апостолов выступает свидетельство о продолжающемся сопребывании Христа с ними «до скончания века». С другой стороны, со Христом можно быть только собирая с Ним, причем при очень жесткой альтернативе, когда отсутствие усилия собирания оборачивается расточением достояния Христа, и, как следует предполагать, отлучение от совместного бытия с Ним. Вспомним в этой связи и плач Христа об Иерусалиме: «Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели!» (Мф 23:37).

Динамика собирания, таким образом, может быть предложена и как основное выражение жизни Церкви, и одновременно как критерий Ее миссионерской успешности. Собственно, прийти, научить, крестить и наставить – означает собрать «под главою Христом», достичь приумножения собрания как в числе, так и в качестве ее существования. Если согласиться с этим двойственным критерием адекватности бытия Церкви своему назначению, то стоит предположить, что главным условием качества жизни церковного собрания и следует считать плодоносящее усилие собирания. Усилия собирания и представляют собой не что иное, как всегда искомое православным сознанием углубление единства церковной общности. В свою очередь динамика углубления церковного единства в его мистической глубине усиливает собирательный потенциал Церкви.

В таком случае на первый план рассуждений об экклезиологических основаниях миссии выдвигаются такое гибкое и трудно формализуемое начало, как мистическое переживание единства членами церкви, в котором только и может быть дано подлинное явление церковности. Конечно, можно называть и внешние признаки единства, например, его созидательный характер, укрепление способности хранить мир, не уклоняясь от главного, растущая способность совместного служения и

проч. Однако источником всего останется самый духовно наглядный, но и самый трудно опознаваемый признак – присутствие Христа посреди учеников, вместимость действия Духа.

Нельзя, конечно, не признать, что, доходя до подобных выражений, мы рискуем впасть в замкнутый круг богословских констатаций, столь характерных для православной мысли второй половины XX века, когда в разных видах утверждается принципиальное единство христологического и пневматологического аспектов церковного бытия. Эту взаимозависимость двух сторон Откровения часто находят, например, в роли епископа в евхаристическом собрании, или в чинопоследовании Евхаристии, как это делает митрополит Иоанн Зизиулас[5]. Однако простое утверждение такой взаимозависимости может приобрести вид ее вполне статического, или иначе, символического отображения в церковном устройстве, если не иметь в виду, что реальность взаимодействия присутствия Христа и действия Св.Духа в своем фактическом проявлении зависит не столько от факта собрания, сколько от его качества. Это качество в свою очередь куда труднее подвергнуть рефлексии, и тем более выявить пути его повышения. Такая возможность может открываться только при действительном экзистенциальном напряжении духовных сил всех и каждого, вполне конкретных, живых и незаменимых членов общины, имеющих искреннее желание прорастать новыми, обновляющимися узами любви, достигать новых форм единства в творческом обмене своего служения Богу, в опыте приношения даров от интеллектуальных, материальных, художественно-поэтических, научно-технологических и кто знает каких еще созидательных усилий.

Бог в своей Церкви возвращает человеку его подлинный облик, но не ради того, чтобы просто счистить с него последствия зла и греха и утвердить его в данности нового бытия, но с целью дать многократно и многообразно умножить богосообразный потенциал человека, дабы человек опытно мог открыть, каким он может быть, оставаясь самим собой, и сколько и скольких он может вместить, по-божески открываясь общению всей своей жизнью с такими же причастниками божественного дара возвращения к себе через «возрастание в полноту возраста Христова». Иначе говоря, Церковь не чистилище, а реально и драматически исполняющееся Богочеловечество.

Если жизнь общины и общинников, членов собрания, предстанет в таких тонах, тогда главным предметом беспокойства будет не формальное наличие/отсутствие собрания, не декларативное единство вероучения, и даже не наличие некоего общего дела, но исключительно дело устроения сообщества любви, способной открыть каждому путь к совершенству. Не случайно первые церковные собрания-общины могли называться «агапе».

В такой церковности непременно будет храниться живая память об истории своего роста, о перипетиях усилий взаимного признания и приязни, об опыте любви, в котором каждый отдавал себя другому ради торжества в этом другом его подлинного я, обретающего родство с творческой личностью самого Бога. Эта преемственность позволяет общине христиан удерживать в своей экзистенциальной памяти свою духовную историю, т.е настоящее живое предание своего спасительного пути, от первых робких шагов до текущего момента. Одновременно в центре внимания всегда сохраняется сама жизнь в своей первооснове – дело и событие Богочеловечества.

Такое видение собственной жизни исключает для церкви взгляд на себя как на самодостаточный феномен, ведь самодостаточность практически неминуемо означала бы утрату динамики роста и общения в пользу удовлетворенности простым фактом наличия общины-церкви. От этакой удовлетворенности останется только шаг-другой для того, чтобы над жизнью восторжествовала структура. Появление очевидного акцента на данность в ущерб динамике жизни, может быть, и выглядит на словах не вдохновляющим и непривлекательным. Однако стоит заметить, что появление этого акцента в истории, причем в достаточно заметном виде относится отнюдь не к печально памятному константиновскому периоду существования церкви, а как раз ко времени, ему предшествующему и заслужившему немало критических выпадов от выдающихся современников, в частности от такого пламенного проповедника и катехизатора, как Ориген.

И если поглощение живой реальности церкви институциональным началом в константиновский период кажется легко объяснимым амбициями государства, то внутренняя готовность церкви принять предлагаемые правила игры со всеми известными льготами государственного характера вряд ли поддается такому же простому объяснению. Для остроты проблемы стоит еще добавить, что возникающий союз империи и церкви был вполне однозначно воспринят последней как собственная победа.

О. Иоанн Мейендорф справедливо говорил о том, что подлинное избавление церкви от негативного наследия этого времени требует, чтобы она вновь стала самой собой[6]. Главная трудность, как это почти всегда бывает, состоит в том, чтобы охарактеризовать это желаемое состояние. Вдохновенные реминисценции о. Николая Афанасьева о «церкви-агапе» почему-то нечасто оказываются в фаворе.

Самодостаточность церковного бытия порождает и вполне определенные способы воздействия на внешний мир. Поскольку самодостаточность не позволяет церкви выходить за свои видимые границы, то и всякое влияние вовне исчерпывается невольным привлечением внимания к себе. Во времена, когда церковь представляла собой

жизнеспособную альтернативу разлагающемуся организму Римской империи, да еще и в условиях нелегального существования, она привлекает к себе весьма значительное число людей. При этом собственно миссионерский импульс в целом в доконстантиновский период постепенно ослабевает. В Константиновский же период, как известно, миссия как свидетельство скорее постепенно сворачивается, и в первые десятилетия сохраняется только практика катехизического поучения, серьезно сокращаясь по длительности и меняясь в качестве. Последнее означает постепенное превращение катехизации из системы испытаний веры с акцентом на ее живую основу и опыт воплощения в конкретной жизни, в последовательность тематических проповедей. Так, в частности, можно характеризовать великолепные по содержанию наставления свв. Кирилла Иерусалимского или Иоанна Златоуста.

Свойства герметичности и самодостаточности обрекают структуру на две формы поведения: или вести автаркическое существование на фоне остального мира, или навязываться ему в наставники. Кроме того, стоит сказать, что и сама спасительная данность Боговоплощения, Воскресения и Пятидесятницы переходит из формы проживания в исключительно вероучительный фактор, со временем, как ни странно, перестающий быть востребованным в практической жизни. Человеку, живущему только идеей без особенной озабоченности экзистенциальным смыслом спасения, догматические нюансы интересны разве только для того, чтобы иметь возможность уверенно причислить себя к категории законно или правильно спасающихся, и вряд ли для чего-либо еще.

Не будет, кажется, большой натяжкой, если мы допустим, что требование стать самой собой следовало бы считать и необходимым условием адекватной миссии. В наше время, когда достаточно часто, хотя по-разному говорится о восстановлении общины как необходимом условии возрождения полноценной церковной жизни, совсем нелишне проделывать небольшие историко-экклезиологические экспресс-экскурсы, поскольку если речь идет о реабилитации нормы, стоит держать в памяти и систематические риски, сопровождающие бытие Церкви.

Так, например, в Меморандуме римской встречи по миссии 1982 г. «конкретная христианская община в своей повседневной жизни» названа знамением и средством спасения. При этом сама община обозначена термином «koinonia». Декларация такого характера безусловно ценна по крайней мере признанием нормы церковного устройства и жизни. Равно, например, как и знаменитое положение митр. Иоанна Зизиуласа о церковном бытии как общении. Стоит, однако, помнить, что есть опасность ограничиться подобными декларациями, напоминающими об общине как норме, и попросту привыкнуть к тому, что следует иметь в виду некоторую идею общины, рискуя упустить само дело устройства общин. Если мы всерьез говорим о кинонии как норме, то следовало бы сосредоточить свои усилия на выработке жизнеспособных и иллюстративных образов христианской общины, которые могли бы послужить моделью для устройства реальных живых общин.

Дитрих Бонхёффер еще в тридцатые годы предостерегал: «Тот, кто любит мечту о христианской общине больше самой общины, наносит этой об-

щине большой вред, какими бы добрыми ни были намерения».

Даже если попытаться конкретизировать представление об общине определением «евхаристическая», обозначенная проблема расхождения идеала и живой реальности не снимется, а скорее даже обострится. По меньшей мере в силе останется вопрос, восходящий к вышеозначенной контроверзе: что делает общину евхаристической – факт служения литургии, или же дух благодарения Отца за жизнь в общении даров, открывшуюся через Сына во Святом Духе? Стоит только хотя бы декларативно присоединиться ко второму, как неминуемо придется реагировать на следующий вопрос, в чем это конкретно выражается. Ведь если ответ окажется тавтологическим повторением в том духе, что настоящее служение и есть такое благодарение, то мы попадем в замкнутый круг, а вопрос никуда не денется – ведь осмысленным такое утверждение может быть только при одном условии. Члены общины умеют совместно и по отдельности надежно распознавать этот дух благодарения, поскольку знают, за счет каких усилий он ими достигается. Иными словами, речь может идти только о фактическом опыте «кинонии», накопленном за время общей жизни. Евхаристия – стержень этого опыта, на котором укреплена вся жизнь, но который держит и питает ее постольку, поскольку эта жизнь в разнообразных проявлениях существует за пределами евхаристического собрания в узком смысле. Конечно, и это в каком-то смысле оказывается повторением древнейшего церковного принципа – «литургия после литургии»; беда только в том, что эта реальность толкуется или слишком утилитарно, вроде помощи неимущим, либо вовсе утрачена.

Выше уже шла речь о динамике собирания в любви как неотъемлемом свойстве действительно живой Церкви, в отличие от символически окрашенной данности.

Усилие и плоды собирания в их динамике оказываются конститутивным для евхаристического служения, поскольку они содержат главный смысл и мотив благодарения. Ведь именно они и образуют реальность той жизни, за которую верующие сердца хотят согласно благодарить Бога. В рамках такого понимания открывается возможность содержательно связать Евхаристию, собирание и миссию.

Предстоящее вхождение в собрание верных оказывается в кругу задач церковной миссии, если под назначением миссии понимать открытие пути к той жизни, которая в будущем, если Бог даст, станет предметом и поводом благодарения. При этом, разумеется, сама по себе евхаристия как реальность еще закрытая для человека, к которому обращено миссионерское усилие любви, не может быть средством миссии. Кстати, последнее обстоятельство практически не усваивается при упомянутом статически-символическом понимании смысла Евхаристии. В этом случае, как ни странно, при всей перегруженности сакраментального сознания отвлеченным символизмом и почти неизбежным для такой ментальности противопоставлением сакрального и профанного, считается вполне допустимым практически мгновенное включение новичка в пространство таинства. Думается, что причиной тому все та же нединамичность восприятия церковной жизни, когда единомоментный акт существенно важнее пути.

Если же нам важно адекватно представить последовательность движения от первого миссионерского импульса до полноправного членства в церкви, стоит вернуться к образу динамически собирающейся общины, хранящей предание своей жизни, в особенности память о преемственности пути каждого общинника, а также совместном пути всей общины.

Эту живую память нетрудно представить себе главным источником миссионерского усилия. Собрание живет преображающим действием единого Духа, которое направлено в экзистенциальный центр человека, в центр его беспокойства о состоятельности собственной жизни перед лицом Божественного откровения об осуществившемся единстве Бога и человека во Христе, о преодолении мира грядущим Царством. Это беспокойство в нормальном случае получает свое отражение в конкретной жизни каждого общинника, если выполняется главное условие – последовательное «возрастание в полноту возраста Христова» (Еф. 4.11). Оно может выражаться многообразно и даже отчасти непредсказуемо, но само это действие непременно носит характер творческой активности и соучастия в созидании жизнеспособной альтернативы миру сему. Это принципиально иная для такого мира форма общности, где творятся новые отношения неограниченной длительности и абсолютной ценности, основанные на агапической любви, т.е. любви, сообщающей другим общинникам вдохновение жизни и удостоверение в их незаместимости, а также в непреходящей ценности личностного пути каждого.

Аналогичным образом и миссионерское усилие имеет своей «мишенью» тот же экзистенциальный центр человека, с той известной разницей, что здесь активируется знакомое по эссе Камю беспокойство о себе перед лицом обезличивающего абсурда повседневной рутины.

Обеспокоенное «я», ищущее возможности найти возможность общения, стоит воспринимать как исходный момент миссии, которая призвана открыть путь, на котором возможно обретение некоего «ты». Данность этого «Ты», способного без остатка воспринять всякое человеческое «я», хотя бы в форме желания подойти к нему поближе, толком особенно не понимая, Кто именно есть этот «Ты», уже представляет собой определенный плод миссии, который позволяет перевести общение с человеком в план катехизации, т.е. наставления

и утверждения на этом пути. Такой плод миссии фиксируется испытанием для человеческого «я» в виде свободного выбора: готово ли оно при всей неясности принять для себя такую данность, готово ли оно не остаться в стороне, а двинуться дальше. Больше внятно высказанного согласия здесь вряд ли что-то требуется. Далее, в ходе катехизации, т.е. по мере приближения к реальности общения «я и Ты» и через это «я с «ты», возникающим изнутри другого «я», этого новичка ждут аналогичные, но более серьезные испытания. Они связаны с постепенным усилением ответственности за избранный путь, в том числе за реальность, в которой для него возникают новые «ты», и которые впоследствии, с Божьего благословения, смогли бы стать единым целым через посредство Христа Воскресшего, в Ком Я есть одновременно и «Ты», развернутое к множеству других «я» и способное собрать их в Свое Единое Тело.

Все это, правда, шаги последующие, которые, будучи продолжением миссии, собственно миссионерскими не являются, поскольку уже творят реальность общения, а не подводят к нему. Другое дело, что если рассуждать в таких категориях, то при принципиальном несовпадении церковной общины как состоявшегося факта с одной стороны, и еще только формирующейся реальности нового личного опыта Богообщения – с другой, мы получаем возможность сохранить преемственность опыта, когда от первого импульса до пребывания в «преизбыточествующей полноте божественной благодати» сохраняется непрерывность живого опыта общения с Богом и человеками, с «ты» человеков, собирающихся в единство «Ты» Богочеловека, потому что Его уникальное «Я» не замкнуто на себя изначально, а наоборот, принципиально разомкнуто всему человечеству.

В таком антропологически-персоналистском измерении евхаристическая община, хотя и не допускает до поры внутрь себя человека, который еще не доверился Христу как Царю и Богу, и не взял на себя соответствующих обязательств, общается с ним в своем миссионерском а равно и катехизаторском усилии в той же плоскости бытия, в которой живет она сама. Более того, эффективность своих шагов ей придется связывать со степенью собственной духовной зрелости, поскольку открывать пути к живому общению с «Ты» Бога она будет тем успешнее, чем отчетливее окажутся представлены в ее собственном опыте способы обретения реальности Богообщения из максимально разных судеб, ментальностей, культурных форм и т.д. и если, например, это условие кажется слишком широким для небольшой общины, то опыт духовного общения различных общин между собой, причем как в синхронном плане, так и в истории, вполне способен компенсировать видимую сложность такое условие соблюдать.

Идет ли здесь речь об умении говорить с людьми на их языке? Отчасти это так, но не совсем. По сути ведь у Церкви только один язык – язык преодоления границ эмпирического субъекта, ради раскрытия в нем его богосообразного «я». Причем этот язык нельзя выучить, на нем, как известно, говорят от избытка сердца. Другое дело, что у него может быть самое разное «снаряжение». Но здесь хотелось бы только оговориться, что речь идет об очень тонком и отнюдь не легко доступном искусстве объясняться на экзистенциальном языке, всякий раз находясь в пространстве определенной эмпирической формы. Так, когда блаженный Августин призывал общаться с философом на его языке, меньше всего он имел в виду профессиональный жаргон, который, скорее, повредил бы делу, чем позволил бы что-то сдвинуть с мертвой точки. Возможно, здесь обнаруживается специфическая ответственность Церкви за конкретный облик своей миссии и своих миссионеров.

В итоге, говоря о природе Церкви, в которой укоренено миссионерское усилие, в первую очередь следует вспоминать, что Церковь

– это динамика личностного опыта общения с Богом и между обретенными братьями и сестрами во Христе;

– это действительный опыт благодарения за дар такого общения;

– это память об истории восстания к жизни и поэтому

– это способность открыть путь к себе тем, кому оно еще неведомо.

Итак, Церковь в динамически-личностном, творческом общении всех и каждого с Богом и друг с другом во Христе, искренне благодаря Отца за открывшиеся через Сына дары Духа, позволяющие возрастать в опыте преодоления самости через возрастание в любви, может быть способна найти доступ к дремлющему человеческому «я», разбудить его, помочь перелезть кажущуюся сплошной стену абсурда, чтобы выйти навстречу всегда готовому принять обратно в дом Отцу. Церковь может и должна быть способна на это, потому что ее собственная природа – это воспроизводящийся и непрекращающийся в своем качественном росте опыт такого пробуждения к подлинной жизни.

Примечания

[1] Karmiris J. Synopsis of the Dogmatic Theology of the Orthodox Catholic Church, p.2.

[2] Прот. Сергий Булгаков, Православие. Очерки учения Православной Церкви, М., Терра, 1991, с. 27.

[3] Там же, 1991, с. 31-32.

[4] Там же, с. 148-149.

[5] Митр. Иоанн (Зизиулас), Бытие как общение. Очерки о личности и Церкви, М., СФИ, 2007, с.131–136.

[6] Прот. Иоанн Мейендорф, Единство Церкви и единство человечества // Живое предание, М., Паломник, 2004, с. 229.

Энрике Симоне Ломбардо. «Оплакивание всего». 1892 г.

Традиционные методы миссии и евангелизма

Священник Лука Веронис,
Соединенные Штаты Америки

1. Духовный характер миссионера

...И уже не я живу, но живет во мне Христос.
Гал. 2:20

У прославленных миссионеров прошлого наиболее отличительной чертой была их примерная жизнь. Определяющим аспектом миссии является не столько то, что человек провозглашает, сколько то, как он живет. Православное богословие и история учат нас, что преображенная жизнь проповедует лучше слова. Святой Франциск Ассизский, подытоживая это, сказал: «Проповедуй Евангелие во все времена и, если нужно, используй слова». Таким образом, первым и главным принципом любого метода миссии является развитие духовного характера миссионеров – их борьба за собственную праведность, их способность нести Божию Благодать, их смирение, их умение жить среди любого народа.

а) Борьба за святость

Миссионеры должны являть пример праведности и помогать людям расти в вере, которая ведет к святости. Как писал о. Лев Жилле: «Вера – ничто, если она не преобразует наши жизни, если она не приносит плода и не ведет к святости». С этой целью многие великие миссионеры прошлого на некоторое время удалялись в пустыни перед началом своей активной миссии. У нас есть пример Апостола Павла, который удалился в пустыню Аравии на три года, святые Кирилл и Мефодий провели значительное время в монастыре, святитель Стефан Пермский жил более десяти лет в монастыре, св. Косьма Айтолос провел 17 лет на горе Афон, преподобный Герман Аляскинский считался одним из благочестивых монахов Валаамского монастыря до своего отъезда на Аляску.

Высказывание преподобного Серафима Саровского содержит в себе всю эту мысль: «Стяжи дух мирен, и вокруг тебя спасутся тысячи». Понятно, путь к глубокому внутреннему миру длится всю жизнь, но он должен начаться до того, как мы ступим на поле миссии. К сожалению, слишком многим миссионерам недостает этого мира. Они думают, что успех принесет занятие множеством дел – программами, расписаниями, встречами. Они забывают или игнорируют свой собственный внутренний мир и духовный рост к святости. «Преображенная жизнь всего существа во Христе является характеристикой истинного миссионера». (Яннулатос, 1964:147).

В Албании у меня состоялся диалог с группой молодых врачей и студентов. Большинство из них вышло из православных семей, но многие открыто признают себя атеистами или агностиками. Одному из врачей я задал вопрос: «Какова Ваша цель в жизни?». Он ответил, что его цель – делать добро для человечества, делать больше хорошего, чем плохого. Многие были удовлетворены ответом. Но с Церковной точки зрения, этому ответу недостает личного призвания. Бог не призывает нас делать что-либо хорошее. Он

призывает нас стать святыми, быть хотя и разными, но объединенными со Христом в Его святости, быть святыми не от мира сего. Наша цель – честно повторять слова Св. Павла: «Уже не я живу, но живет во мне Христос». Когда миссионеры живут святой жизнью в языческом обществе, то они преподают первый и самый главный урок народу, которому они служат. Без стремления стать самим святыми, а затем вести людей к святости, миссионеры ничем не будут отличаться от других гуманитарных служащих.

Новые верующие должны осознать, что святость является естественной для всех христиан, она доступна и миссионеру, и новым верующим, которые вверили свои жизни Иисусу Христу и Его Церкви. Святость не означает достижение необычайных аскетических подвигов или совершенство во всем, что мы делаем. Это прежде всего отказ от наших собственных интересов и облачение себя во Христа, открытие себя для власти Святого Духа, предоставление возможности Христу освещать всю нашу жизнь. Это совершение малого с великой любовью – все во славу Иисуса Христа.

б) Станьте носителями Божией Благодати

На пути к святости миссионеры начинают понимать, что они действуют как носители Божией Благодати, что они лишь инструменты в руках Бога. Мать Тереза Калькуттская часто говорит о своей работе так: «Я – маленький карандашик в руках Бога… Он думает. Он пишет. Он делает все, и это действительно трудно – иногда я – сломанный карандаш. Он должен немного подточить его. Но будьте инструментом в Его руках, чтобы Он мог использовать вас в любое время, везде». Миссионеры должны каждодневно спрашивать себя: «Являюсь ли я носителем Божией Благодати? Осознаю ли я, что в этом – моя главная ответственность?» Симеон Яновский, современник преп. Германа, будучи скептиком и агностиком до встречи со святым старцем, так говорил о смиренном миссионере: «К моему великому удивлению, простой необразованный монах о. Герман обладал огромным природным интеллектом, здравым смыслом, он был много начитан в писаниях святых отцов, но прежде всего он имел Божию Благодать» (Олекса 1987:49). Цель миссии именно в этом: отражать святость, добро, надежду, которая приходит через жизнь, смерть и Воскресение Иисуса Христа; быть своего рода сосудами, несущими людям Божию Благодать.

в) Приобретайте смиренное отношение и отождествляйтесь с народом

Другим существенным аспектом характера миссионера является его смирение, любящее, терпеливое, служение. Противоположное отношение искушает некоторых миссионеров.

Пример Господа Иисуса, умывающего ноги ученикам, остается главным примером для миссионеров. Они должны служить людям, которым едут помогать в их борьбе и нуждах. Миссионер XIX века архимандрит Макарий (Глухарев) представляет тому яркий пример. В начале его служения в Алтайских горах Сибири о. Макарий встретил большое сопротивление и безразличие людей. Подобное заставило его подумать о прекращении своей миссии, потому что люди, как он думал, не были готовы к Христианству. Однако впоследствии он пришел к выводу, что он сможет более эффективно провозглашать Евангелие своим примером, а не словами. Он начал подражать смирению Христа, выполняя поденную работу местным жителям. Он верил, что войти в дома и подмести полы как смиренный слуга значило отождествить себя со Христом, нести свидетельство о Нем способом более зримым, чем проповедь. Потихоньку люди начали открывать ему свои сердца.

И другие миссионеры вели себя подобным образом. Святой Герман горячо защищал права аляскинских аборигенов от жестоких русских торговцев и властей. Он сроднился с людьми настолько, что любое гонение против них воспринималось им как гонение против него. Он молил в письме руководителю русско-американской компании: «Я – смиренный слуга этих людей и их нянька – стою перед Вами в кровавых слезах и прошу: будьте нашим отцом и покровителем... утрите слезы наших беззащитных сирот, смягчите печаль болящих сердец, позвольте нам узнать, что такое радость» (Олекса 1987:310). Итак, мы рассматриваем отождествление с народом как обязательное для любого миссионера.

2. Миссионерские команды

(Иисус) начал посылать их по два.
Мк. 6:7

Пример христианской общины

Иисус посылал своих учеников по два, таким же способом и нам нужно идти вперед. Группа миссионеров преподает свой первый урок в христианской общине посредством своей любви, заботы и сочувствия, царящих в их миссионерском братстве.

Разнообразие команды

Другим достоинством команды является разнообразие ее членов. Не все миссионеры-святые нашей традиции были монахами. Кроме епископов, священников (целибатов и женатых) и монахов, были «княгини, дипломаты, офицеры, солдаты, купцы, эмигранты, путешественники и пленники» (Яннулатос 1989:66). Чем больше разнообразия, тем многочисленнее примеры для людей в понимании веры.

Наша миссия в Албании дает тому положительный пример. В ней 12 миссионеров, среди них два монаха, три монахини, два женатых священника со своими пресвитериями (один с двумя детьми), две мирянки и мирянин. Их профессии – архитектор, бухгалтер, няня, учителя начальной и средней школы и специалист по коммуникациям. Одни люди тянутся к монашествующим, другие, кажется, быстрее находят контакт с мирянами. В Албании долгосрочные протестантские миссионеры насчитывают более 400 человек и составляют широкий спектр людей от пасторов и богословов до врачей, юристов, бизнесменов, полицейских, пенсионеров, инженеров, учителей, старых и молодых. «Один сажает, другой поливает, но Бог взращивает».

Провозглашение евангельского послания

Для всех я сделался всем,
чтобы найти по крайней мере некоторых.
1 Кор. 9:22

а) Терпение, гибкость и творчество

Третий метод миссии включает провозглашение Евангелия устно. Служение священником в Албании в течение прошедших полутора лет дало мне некоторый опыт. Когда я первый раз служил Божественную Литургию в деревне, типичной для многих мест Албании, которая не участвовала в Божественной Литургии в течение последних 25 лет коммунистического правления, церковь напоминала шумный базар. Я повернулся, чтобы сказать: «Мир всем», то увидел несколько людей, курящих сигареты посреди храма, мне хотелось возопить к ним: «Это дом Божий! Почему вы ведете себя как на базаре?» Но пришла другая мысль: «Они как овцы без пастыря». Я рассказываю об этом для того, чтобы показать, что миссионерская работа требует творческого подхода к служению.

Пример святого Иннокентия дает несколько творческих идей для решения трудных проблем. Как епископ, он разрешал «благочестивым и информированным» мирянам совершать таинство крещения в связи с нехваткой священников (священник завершал крещальные молитвы и позже миропомазывал новоначального). Он также определял мужчин и даже женщин чтецами, которые ведут службу в отсутствие священника. Совершение таких «чтецовых» служб лучше подготовило бы людей для восприятия Божественной Литургии, когда ее ведет приезжий священник.

Святые Кирилл и Мефодий предлагают другой пример. Они перевели службу Св. Петра на славянский язык и использовали этот западный обряд в своем служении среди народа Моравии. От нас требуется такое же терпение, гибкость, творчество.

б) Соответствующая катехизация

В ситуациях, как в Албании, где многие люди называют себя православными, но знают мало, если вообще не знают об истинной Православной вере, миссионеры должны подчеркивать важность изучения веры. Иногда мы обманываем себя, крестя людей без какого-либо их научения. Архимандрит Макарий (Глухарев) проработал 14 лет в горах Сибири, в течение которых он окрестил лишь 675 взрослых из 44-тысячного населения. Он верил в интенсивную катехизацию, которая готовит людей на их христианский путь.

В подготовительном научении перед крещением мы должны заботиться не об обучении правилам и доктринам. Мы хотим открыть Святому Духу путь двигаться и жить в человеке. Цель учения для новых верующих должна состоять в том, чтобы стать «новыми созданиями». Мы напомним слова Св. Григория Богослова: «Разве ты не знаешь, что единственный способ стать Сыном Божиим – это стать святым».

Последним принципом устного проповедования Евангелия является идея «Для всех... (сделаться) всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых» (1 Кор.9:22). Святой Павел проповедовал иудеям как иудей, но представлял Евангелие среди неевреев другим способом. Например, среди философичных и идолочтущих афинян Святой Павел ничего не говорил о еврейском происхождении Иисуса и исполненных пророчествах Мессии. Он разговаривал с греками на их уровне. Он не осуждал их за их грубое идолопоклонство, но вместо этого он нашел пример того, чему они поклоняются: «Афиняне! По всему вижу я, что вы как бы особо набожны. Ибо, проходя и осматривая ваши святыни, я нашел и жертвенник, на котором написано: «неведомому Богу». Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам». (Деян. 17:22,23).

После этого он продолжал говорить на темы, понятные греческим взглядам. Он даже цитировал греческих философов и языческих поэтов, чтобы поддержать свое оправдание веры. Таким способом Святой Апостол Павел изложил основные идеи Евангелия и свел к минимуму сомнения нееврейской аудитории в Благой Вести из-за своих культурных или религиозных предубеждений.

Обучение местных руководителей

Передай верным людям,
которые были бы способны и других научить.
2 Тим 2:2

Четвертым методом миссионерской работы является обучение лидеров среди актива верующих. Слова Святого Павла своему ученику Тимофею раскрывают миссионеру мудрость: «и что слышал от меня при многих свидетелях, то передай верным людям, которые были бы способны и других научить». (2 Тим. 2:2). Слишком часто эта задача оказывается очень трудной для миссионеров.

а) Временная рамка для миссионера

С первых шагов своего служения миссионеры должны думать о его завершении. Жизнь Святого Апостола Павла раскрывает глубокое понимание этого принципа. Божественный апостол путешествовал по Малой Азии, Македонии и Греции в течение 8-12 лет, редко оставаясь в одном городе более чем несколько месяцев и никогда более 2-3 лет. Все же к концу первого десятилетия он смог написать, что не существовало «такого места в сих странах» (Рим. 15:23).

Критический взгляд на современные миссионерские усилия раскрывает нечто совершенно отличное. В Восточной Африке в течение 30 лет служили православные миссионеры, но почему же мы все еще считаем эту Церковь младенческой, нуждающейся в заботе родителей миссионеров? 25 лет современной православной миссии в Корее могут стать другим интересным познавательным примером. Что касается нашего служения в Албании, то мы работаем, чтобы оживить однажды умершую Церковь. Архиепископ Анастасий Албанский дал нам ориентир: мы преуспели настолько, насколько мы подготовили албанских руководителей, которые придут на наше место.

б) Ответственность и доверие

Служением миссионеров является не крещение или даже проповедание всему народу. Их целью должно

стать обучение отобранных руководителей, которые сами бы имели ревность, желание, вдохновение и руководство Святого Духа выполнить эту работу. Если миссионеры обучают своих духовных чад с самого начала правильно, если они открывают им глаза на дар и силу Святого Духа и учат их в жизни доверять Духу, то руководители выполнили большую часть своей работы.

Мы призваны оживить в молодых верующих доверие Святому Духу; доверие ко Христу, пребывающему в них. Мы должны посеять в их жизнях веру в преображающую силу Евангелия.

Когда миссионеры не доверяют новым верующим и руководителям делать что-либо самостоятельно, потому что они якобы слишком молоды и незрелы в вере, или потому-де что у них нет достаточного формального обучения или богословского образования, то миссионеры приближаются к опасности свести к минимуму силы Святого Духа.

в) Личное наставничество

В обучении лидеров миссионерам потребуется время на наставничество и духовное руководство. Чтобы подготовить руководителей, нужно время и не только посредством устных уроков веры, но особенно примерами жизни, которые являются лучшим уроком из всего, что они могут познать.

Иногда личное наставничество трудно, особенно американцам. Мы обучены сосредотачиваться на цифрах, чем больше, тем лучше. Если мы проводим большинство нашего времени только с горсткой людей вместо масс, то некоторые из нас могут предположить, что ошибаются. Наше служение будет эффективным, если мы сосредоточимся на ограниченном числе руководителей и позволим им выйти в массы. Помните слова Святого Павла: «и что слышал от меня при многих свидетелях, то передай верным людям, которые были бы способны и других научить». (2 Тим.2:2). Тимофей, Сила, Лука, Сосфен, Тит были молодыми людьми, которые всегда путешествовали с Павлом и учились у него. Павел направлял других руководителей в каждый город, где он основывал Церковь. Посмотрите на последнюю главу Послания к Римлянам, и вы получите некоторое представление о многих учениках и соработниках, мужчинах и женщинах, которых Павел обучал и на которых оказывал влияние. Благодаря такому руководству он мог уверенно покинуть восточную область Римской империи после десятилетней работы.

В общем служении миссионера нужны программы, здания и проекты. Но самым главным – сердцем и душой всей работы – являются люди. Цель православной миссии – не построение зданий, но создание живых Евхаристических общин, которые действуют как евангелические центры для всей местности. Местные люди являются теми, кто знает язык, обычаи и жизнь своих сограждан намного лучше любого иностранца. Они могут быть лучшими руководителями и проповедниками.

г) Возможности служения

Вместе с этим миссионеры должны отыскать практические возможности для развития способностей этих молодых руководителей.

Если миссионеры учат своих обращенных постоянно полагаться на миссионера, оглядываться на его работу, не побуждать Святого Духа внутри себя, то их вера остается сдержанной. Мы должны учить новых верующих тому, что источник их силы исходит не от миссионера, а от Святого Духа, действующего через Церковь. Святой Дух, постоянно пребывающий в Церкви, стоит над любым епископом, священником или миссионером. Если мы побуждаем новых верующих делиться каким бы то ни было малым знанием, которое у них есть, то мы начнем строить крепкий фундамент.

Слишком часто миссионеры хотят делать все сами потому, что они чувствуют, что могут сделать это лучше, чем новые верующие. Мы должны постоянно спрашивать себя, если мы уедем сегодня, выживет ли Церковь? Достаточно ли там руководителей, чтобы направлять и вести? Еще раз обратим внимание на слова Святого Павла: «и что слышал от меня при многих свидетелях, то передай верным людям, которые были бы способны и других научить». (2 Тим.2:2).

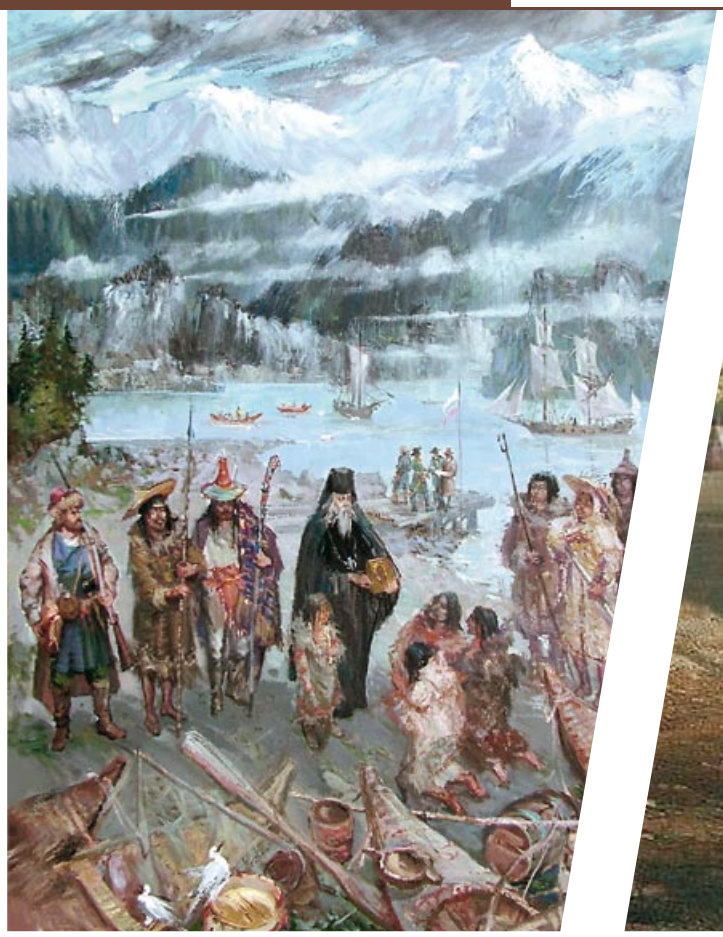
Взгляд на современную Православную Миссию

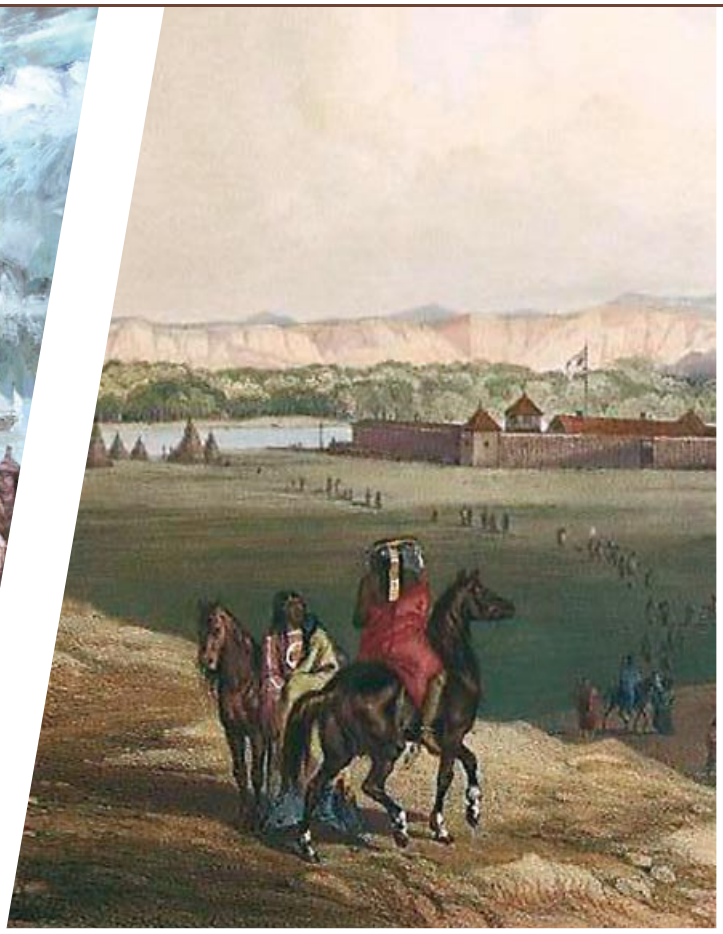
Современное православное миссионерское обновление началось в Греции более 30 лет назад с учреждения движения Porefthentes. За прошедшие три десятилетия наша собственная миссионерская программа в Америке выросла из крошечного офиса в Греческой Патриархии в Православный Христианский Миссионерский Центр в Св. Августине (штат Флорида). Мы посылаем каждое лето множество краткосрочных миссионеров и поддерживаем растущее число долгосрочных миссионеров. Мы уже – на подходе к открытию кафедры миссиологии в Греческой Православной богословской школе Св. Креста. Но что дальше? Куда мы пойдем отсюда? У нас есть растущая поместная Церковь в Индонезии. Албания – бастион атеизма – теперь открыта для всех с возрождающейся Православной Церковью. Падение «железного занавеса» открыло двери для помощи и служения.

Одним из важнейших принципов, исхожу я из своего ограниченного миссионерского опыта, является идея о том, что хорошие намерения не всегда достаточно хороши. Слишком много людей вступают на поле миссии плохо вооруженными, неся больше вреда, чем добра, несмотря на свои искренние намерения. Те, кто стремится к миссионерской работе, должны поразмыслить. Пусть они поставят перед собой такие вопросы: как и какие методы будут использовать в своей работе? Осознают ли, что их собственный духовный склад и борьба за благочестие является основой в работе? Есть ли у них смирение, готовность изучить больше того, что они могут предложить?

В Православной Церкви мы заново обретаем наше историческое понимание миссионерской деятельности. Если мы с честью выполним свое обязательство в миссии, то наша Церковь поможет спастись многим людям, обретет авторитет своеобразной спасательной станции посреди бушующего житейского моря.

Перевод с английского О. Воробьевой

К вопросу об особенностях деятельности

первой Русской Православной Миссии на Аляске и испанской миссии в Калифорнии в конце XVIII – начале XIX века

Юлия Егорова, г. Вологда

По истории испанских миссий в Калифорнии существуют в основном публикации зарубежных авторов[1]. Несмотря на отсутствие или малодоступность архивных документов, история миссионерской деятельности францисканских монахов в Калифорнии отчасти представлена в записках российских путешественников, государственных деятелей, посещавших Калифорнию во время кругосветных плаваний.

Привлеченные источники дают возможность проанализировать деятельность православных монахов на Аляске и испанских миссий в Калифорнии и выявить ее основные особенности в указанное время. Для Синодального периода в истории Русской Православной Церкви (1700–1917) было характерно то, что православная миссионерская деятельность во многом определялась приоритетными для Российского государства направлениями в политике.

Это время также представляется и как «период упадка церкви с подчиненностью государству»[2]. В пределах государства «без поддержки гражданских властей дело миссий по обращению инородцев в православие, воцерковлению старообрядцев и сектантов было обречено на провал»[3]. Миссионерская деятельность православного духовенства «за пределами империи носила совершенно иной характер, чем в России. Руководители миссий должны были активнее проявлять собственную инициативу и самостоятельно организовывать свою деятельность, но зато они не были стеснены в своей работе директивами правительства.

Все эти миссии поддерживались Россией в финансовом отношении, хотя и в весьмаскромных размерах»[4] . В этой связи заверения Г. И. Шелихова и И.Л. Голикова в том, что они окажут финансовую помощь в организации православной миссии

на Аляску (о. Кадьяк) являются небезосновательными. Показательно письмо, которое по прибытии в Охотск в 1794 году монахи написали митрополиту Санкт-Петербургскому и Новгородскому Гавриилу: они уверяли последнего, что «Григорей Иванович Г. Шелихов до Охотска ездил с нами и всево потребнаго, не только для церкви, но и к содержанию нашему, столько доставил с нами, что года на три не будем иметь ни в чем большой нужды»[5].

Со стороны Российского государства поддержка выражалась в том, что по ходатайству митрополита Гавриила Екатерина II определила для членов православной миссии на Аляску денежные пособия «архимандриту Иоасафу 500 руб., а остальным – по 250 руб.»[6]. Кроме того, «митрополит Гавриил обеспечил миссионеров необходимыми церковными предметами, облачением и богослужебными книгами»[7].

Подготовка миссии к отправлению на Аляску началась с того, что митрополит Гавриил направил 20 апреля 1793 году письмо обер-прокурору Святейшего Синода графу А.И. Мусину-Пушкину с просьбой получить у императрицы Екатерины II разрешение отправить православных миссионеров в Северную Америку. Монахи были избраны из двух крупнейших русских монастырей: Валаамского и Коневского. Митрополиту Гавриилу поручалось также лично заняться выбором достойных людей из монашества. 16 сентября 1793 года он подал рапорт в Священный Синод, в котором сообщал, что им были избраны «Валаамского монастыря иеромонах Иоасаф, монах Герман и Иаков»[8].

Позднее состав миссии изменился. Был исключен монах Яков. По каким причинам это произошло – установить не удалось. Также не удалось найти и какие-либо биографические сведения о нем. По всей вероятности, Яков был исключен сразу же, приблизительно в конце сентября – начале октября 1793 года, т. к. перед отправлением монахов на Аляску Санкт-Петербургская духовная консистория навела обо всех будущих членах миссии справки, а сведения о монахе Якове в документах отсутствуют.

«К концу 1793 г. Кадьякская миссия была сформирована, и 21 декабря Санкт-Петербургская духовная консистория выдала ее членам паспорта»[9]. Богословское образование имел только архимандрит Иоасаф. В документах говорится, что он «священников сын, обучался в тверской семинарии с 1772го по 1784 год латинскому языку философии и Богословии»[10]. Иеродиакон Нектарий – член миссии, в миру Федор Дмитриевич Панов, сын купца – подал прошение о назначении его в православную миссию митрополиту Гавриилу в октябре 1793 года.

От Костромского купеческого общества вскоре был подготовлен и направлен в Санкт-Петербургскую духовную консисторию аттестат с обоснованием невозможности для Панова заниматься купеческой деятельностью. В нем говорилось, что «имеет он Панов головную ломоту и животную болезнь, отчего имеет частые припадки и от таковых приключений чувствует во всем корпусе немалую слабость»[11]. Михаил Говорухин, как говорится в документах, являлся «унтершахтмейстером колываново-рейнских заводов». Отмечается, что он «служил при колыванских речных заводах и рудниках добропорядочно, а с 1781 года одержим чахотною болезнию»[12].

Он был уволен со службы по своему желанию «и отпущен с сим где жить пожелает». Михаил Говорухин был пострижен в монахи 28 октября 1793 года. 11 и 21 октября 1793 года были допрошены и включены в миссию Афанасий и Ювеналий (брат Михаила Говорухина) и иеромонах Макарий. Из данных источников явствует, что члены первой духовной миссии отличались друг от друга по уровню образования и занятиям до пострижения в монашество.

В деле не отражен уровень образования каждого из миссионеров, кроме Иоасафа, отмечается лишь, что человек «читать и писать умеет». Не случайно Н.П. Резанов в своем донесении министру коммерции Н.П. Румянцеву укажет на тот факт, что члены первой православной миссии значительно уступают францисканцам в образованности: «Все миссионеры люди просвещенные и не наши святые отцы, которые едва не из безграмотных крестьян делаются пастырями душ наших»[13].

После своей инспекции на Аляску он докладывал директорам Российско-американской компании о том, что «она [православная миссия] крестила здесь несколько тысяч, но только, что литературно сказать — крестила»[14]. По мнению Резанова, православные монахи «никогда не шли путем иезуитов в Парагвае, где искали развить понятия диких, не умели входить в обширные виды ни Правительства, ни компании»[15].

Здесь заключается важная мысль о том, что изначально, до отправления монахов на Аляску, было установлено, что они не должны вмешиваться в светские дела, однако данное правило не могло соблюдаться безукоризненно, т. к. просвещение местных жителей в известной степени предполагало столкновение интересов Российско-американской компании и миссионеров. Н.П. Резанов довольно близко подошел к причинам этого противостояния, поскольку имел возможность сравнить деятельность православных и католических миссий непосредственно.

По его мнению, следует обратить внимание на устройство Калифорнии, где «губернатор и коменданты президий объезжают округа свои и посылают к вицерою годовые отчеты»[16]. При организации испанских миссий в Калифорнию преследовались достаточно четкие государственные интересы. Изучая этот вопрос, Г. Болтон пришел к выводу, что миссия финансировалась за счет испанской короны. Исследователь отмечал: «…миссии поддерживались в значительной степени королевским казначейством»[17]. Существовало три вида дота-

ций: ежегодные правительственные стипендии миссионерам, так называемые «sinodos», которые «изменялись по количеству согласно отдаленности миссий»[18].

Кроме этого нами установлено, что монахам даже выплачивалось из королевской казны жалование. В отечественных источниках есть сведения Н.П. Резанова, посетившего с первой русской кругосветной экспедицией Аляску и Калифорнию в 1805–1806 годах: «…жалованья получают францисканцы 400, а доминиканцы по 300 пиастров в год»[19].

По иному развивалась деятельность Русской православной миссии на Аляске. Предполагалось, что Российско-американская компания(РАК), которая была образована в 1799 году на основе компании Голикова-Шелихова, будет продолжать оказывать миссионерам щедрую поддержку. Однако компания в начале XIX века сама переживала финансовые трудности и не могла в должной мере заботиться о развитии Православия. Ситуация стала меняться с 1810 года, когда в балансы компании стал закладываться ресурс для поддержки миссии[20].

Система выплаты жалования миссионерам была окончательно налажена с назначением белого духовенства. Причем существовало несколько статей, по которым оно выплачивалось. Устанавливались также и целевые выплаты: например, в одном из указов императора Священному Синоду говорилось, что «одна тысяча серебряных рублей в год ассигнуется на поддержание школы»[21]. Испанские миссионеры не стремились к просвещению туземцев. Литке отмечает, что «детей учат миссионеры петь и играть на некоторых инструментах и больше ничему; ни один из индейцов не знает грамоте»[22].

Если деятельность православных миссионеров до образования РАК сталкивалась с препятствиями со стороны промышленников, которые преследовали интересы собственных компаний, то францисканцы действовали в союзе с испанской короной. При этом 12 монахам удавалась контролировать всю миссию. Данный факт объясняется продуманностью системы миссии в организационном плане. Каждая миссия имела прочную военную защиту в лице солдат.

Определенную эффективность давали и элементы самоуправления, введенные монахами францисканцами в индейской деревне. Российские путешественники отмечают, что «доставая индейцов обоего пола, женят их в миссионерстве

Церковь Вознесения Господня в аляскинской Уналашке

по согласию, из оных выбираются старейшины, кои смотрят за прочими»[23].

По некоторым данным на Аляске было крещено около 10 тыс. язычников[24]. По подсчетам Ф.П. Литке, во всех известных ему испанских миссиях число «крещенных индейцов считается около 15 тысяч»[25].

Таким образом, миссионерская деятельность Русской Православной Церкви на Аляске и испанской миссии в Калифорнии зависела от целого ряда факторов, в т.ч. от курса государственной власти.

Примечания

[1] См. например: Fr. Zephyrin Engelhardt. The Mission and missionaries of California. San Francisco, 1912; Bolton H.E. The Mission as a Frontier Institution in the Spanish-American Colonies. October, 1917. Vol. 23. № 1.

[2] Ware T. The Orthodox Church. Baltimore–Maryland, 1963. P. 128.

[3] Рягузов С.С. Общественно-политическая деятельность православного духовенства Европейского Севера в конце XIX – начале XX века // Вестн. Помор. унта. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2009. № 3. С. 18–22.

[4] Смолич И.К. История русской церкви. 1700–1917. Ч. II. М., 1997. С. 259.

[5] ЦГИА (Центр. гос. ист. арх. СПб.). Ф. 19. Петроградская духовная консистория. Оп. 1. Д. 15761. Л. 72.

[6] Митрополит Климент (Капалин). Русская Православная церковь на Аляске до 1917 года. М., 2009. С. 42.

[7] Там же. С. 45.

[8] ЦГИА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 15761. Л.14.

[9] Митрополит Климент (Капалин). Указ. соч. М., 2009. С. 42.

[10] ЦГИА // Ф. 19. Петроградская духовная консистория. Оп. 1. Д. 15761. Л.15.

[11] Там же. Л. 24.

[12] Там же. Л. 32.

[13] Донесение Н.П. Резанова министру коммерции графу Н.П. Румянцеву о плавании в Калифорнию и положении в русских колониях. Ново-Архангельск, 17 июня 1806 г. // Россия в Калифорнии: русский документы о колонии Росс и российско-калифорнийских связях, (1803–1850): в 2 т. / сост. и подгот. А.А. Истомин, Дж. Р. Гибсон, В.А. Тишков. Т. I. М., 2004. С. 156.

[14] Резанов Н.П. Письма директорам Российско-американской компании. URL: https://america-xix.ru/library/rezanov-letters/15-02-1806.html (дата обращения: 18.02.2022).

[15] Там же.

[16] Донесение Н.П. Резанова министру коммерции графу Н.П. Румянцеву... С. 156.

[17] Bolton H.E. Op. cit. C. 49.

[18] Ibid. Славная духовная миссия на Аляске финансировалась в основном за счет частных лиц, при незначительной поддержке российского правительства. Испанская миссия, напротив, получала значительные дотации от государства. Православных и католических монахов объединяло слабое знание языка туземного населения. Однако если испанские миссионеры, как правило, не стремились к просвещению индейцев, т.к. были заинтересованы в них только как в рабочей силе, поскольку от этого зависело экономическое процветание миссии, то православные монахи пытались через проповедь и службу привить основы грамоты аборигенам. Православные миссионеры после образования РАК действовали с согласия и в курсе Российско-американской компании, с учетом конкретных условий и могли быть отозваны в Россию, то испанские миссионеры, представляя свои ордена, преследовали иные цели на основе постоянного пребывания в Новом Свете.

[19] Егорова Ю.С. К вопросу об особенностях деятельности первой русской православной миссии... Донесение Н.П. Резанова министру коммерции графу Н.П. Румянцеву… С. 153.

[20] См., напр.: Петров А.Ю. Российско-американская компания: деятельность на отечественном и зарубежном рынках (1799–1867). М., 2006.

[21] Alaska Church Collection. Papers Relating to the Holy Synod, Consistory and Bishops. Box 270. Ukase of theEmperor of Russia from the Holy Ruling Synod to the Ecclesiastical Department. December 1. 1840. P. 1.

[22] Литке Ф.П. Из дневника, веденного во время кругосветного плавания на шлюпе «Камчатка». ПосещениеКалифорнии. 4–28 сентября 1818 г. // Россия в Калифорнии... С. 279.

[23] Васильев В.М. Заметки о Калифорнии. 1821 г., не ранее 11 февраля // Россия в Калифорнии... С. 350.

[24] Митрополит Климент (Капалин). Указ. соч. С. 60.

[25] Литке Ф.П. Из дневника, веденного во время кругосветного плавания на шлюпе «Камчатка». Посещение Калифорнии. 4–28 сентября 1818 г. // Указ. соч. С. 278.

Использованы работы художников Владимира Латынцева «Аляска» и Карла Бордмера «Форт Юнион на Миссури»

Из истории становления церковно-приходских школ в Якутии

А.Н. Корнильцев

В XIX в. одним из важных элементов системы начального образования в Российской империи являлись возглавляемые духовенством церковно-приходские школы (ЦПШ), задачей которых было обучение детей Закону Божию, чтению, письму и счету. Первые ЦПШ открылись в 1830-е гг. в соответствии с указами Св. Синода.

В отдаленном Якутском крае необходимость в образованных людях возникла сразу же после его вхождения в состав России. Первые школы были созданы по частной инициативе глав Борогонского и Хангаласского улусов А. Аржакова и И. Шадрина. Городские училища стали открываться только с начала XIX в. Известно, что представители духовенства начали организовывать школы при церквях с середины XIX в. и опередили таким образом Министерство народного просвещения. С 1870-х гг. в Якутской области стали учреждаться и школы Министерства народного просвещения, в связи с чем действовавшие приходские школы переходили в ведение министерства либо закрывались.

В 1884 г. ЦПШ и школы грамоты были выведены из ведения Министерства народного просвещения и переданы духовному ведомству. Тогда же в Якутской епархии был создан епархиальный училищный совет. Пост председателя совета, как правило, занимал ректор духовной семинарии.

В епархии создавались церковно-приходские попечительства, главной задачей которых было содействие в привлечении в ЦПШ учащихся и материальное обеспечение последних – для их «поддержания и процветания» [1, д. 1060, л. 20]. Кроме того, была учреждена должность епархиального наблюдателя для мониторинга качества образования в церковных школах и школах грамоты.

В 1885 г. по приказу епископа Якутского и Вилюйского Иакова (Домского) при ЦПШ были созданы библиотеки, закуплены и разосланы по школам учебники, хрестоматии и книги: Азбука, Букварь, «Родное слово», «Молитвослов» и др. Стоимость присланной литературы вычиталась из жалованья священников-педагогов [3, с. 58].

Тогда же были открыты три ЦПШ [1, д. 1169, л. 9] и образованы церковные попечительства в северных округах. Всем священнослужителям епархии было выдано архиерейское благословение о заведении домашних школ с последующим их преобразованием в школы церковно-приходские [1, д. 1169, л. 19]. В 1887 г. было учреждено шесть приходских школ (олекминская, нерюктяйская, берденская, покровская, красноярская и кыллахская), две из кото-

рых обеспечивались приходскими попечительствами [1, д. 1219, л. 25].

В конце XIX в. местное население уже охотно отдавало детей в школы, и ценз духовного образования был достаточно высок. К якутскому архиерею поступали ходатайства о преобразовании министерских школ (т. е. школ, находящихся в подчинении Министерства народного образования) в церковно-приходские [1, д. 1270, л. 12]. В 1889 г. в Якутской области был поднят вопрос об увеличении количества и улучшении качества ЦПШ, которые при этом были признаны «вполне удовлетворяющими потребности сельского населения в грамоте», так как они «при малых расходах на свое содержание, дают новые пути влияния на народ в духе христианской нравственности и содействуют вместе с тем распространению русского языка» [4, с. 227].

В 1888/89 учебном году действовало уже 13 ЦПШ, в которых обучалось 129 учеников обоего пола (117 мальчиков и 12 девочек), а также 13 школ грамоты с 39 воспитанниками. Наблюдалась положительная динамика в отношении не только церковных школ, но и приходских попечительств, которых к 1892 г. насчитывалось уже 14 [1, д. 1431, л. 34].

Помимо того, продолжало свою деятельность Якутское миссионерское училище при Спасском монастыре, имеющее 2 класса и 3-й приготовительный, где проходили обучение 37 учащихся.

К 1892 г. в епархии зафиксировано 43 032 детей школьного возраста и 44 школы (1 двухклассная, 25 одноклассных, 13 школ грамоты, 15 министерских и 9 школ других ведомств, в том числе образцовая школа при семинарии), в которых обучалось 1 054 человека [1, д. 1431, л. 57]. Приведенная статистика свидетельствует о том, что, несмотря на увеличение количества школ, они все еще не удовлетворяли потребности населения в образовании: численность учащихся все еще была невелика.

Епископ Мелетий (Якимов) отмечал: «...Малопомалу, и якуты приходят к сознанию, что нужно учить детей, и для этого нужно строить школы и при них общежития...» [1, д. 1321, л. 35].

В 1893 г. в епархии функционировало 34 ЦПШ, в которых обучалось 437 учащихся, и 15 миссионерских школ с 241 учащимся [1, д. 1488, л. 36]. Церковные попечительства работали достаточно активно, изыскивая средства для содержания приходских школ, но только некоторые учебные заведения могли себе позволить общежитие для учащихся.

Следует упомянуть о еще одной организации, которая оказывала помощь в открытии и содержании церковных школ в области. Это было братство во имя Христа Спасителя, учрежденное 28 августа 1892 г. с целью «вспомоществования» миссионерскому комитету и училищному совету в устройстве и развитии ЦПШ. К 1895 г. общество уже имело капитал 10 444 руб. [1, д. 1544, л. 9]. Братство оказывало помощь школам в случае, когда не было возможности выйти из затруднительного положения (своего рода резервный фонд для помощи в критических ситуациях). Одним из попечителей и почетных членов братства был знаменитый обер-прокурор Синода Константин Петрович Победоносцев [1, д. 1544, л. 10].

К 1895 г. отличительной чертой ЦПШ в Якутском крае было использование учебников на якутском языке, что не практиковалось в народных школах. При посредничестве переводческой комиссии при братстве св. Гурия в Казани были изданы «Букварь» и учебник русского языка для якутов [1, д. 1602, л. 47].

Продолжалось учреждение окружных отделений епархиального училищного совета. В 1897 г. действовало пять отделений – Якутское, Олекминское, Вилюйское, Верхоянское и Колымское [1, д. 1705, л. 3]. В 1899 г. отделение епархиального училищного совета было открыто в Охотске.

К 1897 г. в Якутской области было всего 70 начальных школ, 20 из которых относились к министерским [1, д. 1705, л. 11]. К 1899 г. количество школ возросло до 80 (с 800 учащимися). Небольшая численность учащихся объясняется отсутствием общежитий.

В Якутске при каждой из церквей были открыты школы, организованные по модели двухклассных миссионерских школ (с общежитием) [1, д. 1818, л. 8]. С 1902 г. одна из школ стала называться «учительской». За 30-летний срок своего существования она выпустила 120 воспитанников, из которых педагогическую стезю избрал 21 человек [5, с. 105].

Со временем название «церковно-приходская школа» было вытеснено более широким понятием «церковная школа», которое охватило в том числе начальные церковные школы. Законодательно это было оформлено в Положении о церковных школах ведомства православного исповедания от 1 апреля 1902 г. [6, с. 109]

Главными препятствиями в деле народного образования, по свидетельству церковного наблюдателя протоиерея Николая Нифонтова, являлся недостаток преподавательских кадров и необходимость содержания при каждой школе общежития-пансиона на 8-15 человек, «так как якуты живут очень разбросанно и курс обучения разделен на 4 года» [1, д. 2190, л. 10]. Кроме того, в 1909 г. епархиальный архиерей отмечал недостаток учебников и отсутствие единой программы обучения [1, д. 2370, л. 8].

Частично кадровую проблему решали выпускники Якутской духовной семинарии и выпускницы епархиального женского училища, которые становились учителями церковных школ. Тем не менее, значительную трудность представляло обеспечение кадрами северных округов, так как туда, в связи со спецификой проживания, не соглашались ехать не только прибывшие из европейской России, но и якутские жители.

В июле 1911 г. в Якутске состоялось открытие педагогических курсов для учителей и учительниц одноклассных ЦПШ. Курсы действовали всего месяц – с 1 по 30 июля: проводились занятия по Закону Божию, русскому языку и арифметике. Утренние уроки продолжались по 4 часа, и 3 из них являлись практическими занятиями, которые проводились как руководителями, так и слушателями курсов. Вечерняя часть курсов была посвящена разбору про-

веденных уроков. Слушателям читались лекции по гигиене, сельскому хозяйству и природоведению.

По сведениям исторических источников, слушателями курсов стали 80 человек, но к завершающему экзамену были допущены 29, и только 20 получили право преподавания в ЦПШ [1, д. 2498, л. 53]. Во время проведения учительских курсов был основан Иаковский фонд (в память о епископе Иакове (Домском)) для помощи учащимся церковных школ [1, д. 2498, л. 54].

С 1910-х гг. наблюдаются факты закрытия некоторых ЦПШ в связи с учреждением в местности одноклассных начальных училищ Министерства народного просвещения. Некоторые из школ располагались на значительном расстоянии от храмов, и в 1912 г. были введены школьные паломнические поездки на богомолье в свой храм [1, д. 2560, л. 76].

Следует отметить, что в описываемый период наблюдается тенденция увеличения общей численности учащихся, что связано с возрастанием их количества в городских школах. Сельские школы, наоборот, обнаруживали снижение количества учеников и даже закрывались в связи с их отсутствием [1, д. 2498, л. 58].

Большинство учащихся Якутии (около 80%) проходили обучение в ЦПШ. В каждой из школ было в среднем по 15-20 человек, в то время как в школах грамоты – не более 10. Это объясняется отсутствием удобных помещений для образовательной деятельности и общежитий-пансионов [1, д. 2498, л. 70].

В 1914 г. в епархии действовало 65 начальных школ: 1 второклассная, 51 церковно-приходская (4 двухклассных и 47 одноклассных) и 13 школ грамоты. Школы отличались по национальному составу: в 11 из них обучалось исключительно местное население, в 7 – «исключительно русский контингент» [1, д. 2683, л. 83].

В апреле 1920 г. постановлением Якутского губернского революционного комитета все духовные учебные заведения Якутской епархии были частично закрыты, частично переданы со своим учительским персоналом и материально-технической базой в подчинение Наркомату просвещения. Так, многие ЦПШ стали основой для развития советской системы образования.

Таким образом, с 1884 г. создание ЦПШ получило в Якутском крае законодательное оформление. В это время началось формирование структуры управления и инспекции духовных школ, создавались церковные попечительства, было учреждено братство во имя Христа Спасителя. Целью этих образований была поддержка школьного дела. В результате сложной трансформации церковная начальная школа оформилась в самостоятельную структуру, служившую альтернативой Министерству народного просвещения.

Следует отметить, что изначально уроки в ЦПШ проводились на русском языке, что затрудняло процесс обучения местных детей. Затем, уже к концу XIX в., отличительной чертой церковных школ в Якутском крае стало использование учебников на родном якутском языке. Были изданы букварь и учебник русского языка для якутов. Рост количества школ сделал актуальной проблему нехватки преподавательских кадров, которая была частично решена усилиями духовных и светских учебных заведений и посредством организации преподавательских курсов. Учительский персонал церковных школ также претерпел существенные изменения: удалось повысить качество подготовки персонала, вырос образовательный ценз учителей церковных школ. К 1917 г. основная часть учителей ЦПШ имела среднее образование либо прошла соответствующие испытания на звание учителя ЦПШ.

На основании проведенного исследования можно выделить пять периодов развития церковного школьного дела в Якутской епархии:

1. 1860–1870 гг. – первые попытки открытия ЦПШ.
2. 1870–1884 гг. – передача всех школ в подчинение Министерства народного просвещения.
3. 1884–1896 гг. – становление структуры управления церковными школами и оформление сети начального церковного образования в епархии.
4. 1896–1909 гг. – улучшение учебной и материально-технической базы церковных школ и поиск средств на поддержание существующих школ.
5. 1909–1919 гг. – участие церковных школ в организации всеобщего обучения в Якутской области.

Таким образом, церковные школы в первое десятилетие XX в. сформировали слаженную систему начального образования и внесли большой вклад в распространение просвещения в Якутской области. Школы были расположены во всех округах, в том числе и отдаленных улусах, и наряду с храмами стали культурными и духовными центрами края. Учащиеся, оканчивавшие ЦПШ, получали право поступать в духовные и светские училища, повышать свой уровень образования и впоследствии становились учителями школ Якутской области, пополняя ряды интеллигенции. Многие из выпускников церковных школ стали образованными деятелями родного края. Некоторые из них (П.П. Явловский, Н.Н. Москвин, С.Н. Лебедев, П.В. Попов и др.) закончили духовные академии и сыграли заметную роль в общественной и духовной жизни области.

Источники и литература

1. Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 442.

2. Гончаров, М.А. Церковно-приходские школы и их место в подготовке учителей в России в конце XIX – нач. XX в. / М.А. Гончаров, М.Г. Плохова // Вестник ПСТГУ. IV : Педагогика. Психология. М., 2012. Вып. 2 (25). С. 101–117.

3. Захарова, Т.В. История библиотек Якутии (XVII век – 1920 год) / Т.В. Захарова. Якутск, 2004.

4. Майнов, И.И. Зачатки народного образования в Якутской области / И.И. Майнов // Сибирский сборник. Год XII. Вып. III. Иркутск, 1897. С. 172–229.

5. Павлов, А.А. Профессиональные и средние школы Якутии: (XVIII – нач. XX в.) / А.А. Павлов. Якутск, 2013.

6. Смолич, И.К. История Русской Церкви. 1700–1917 / И.К. Смолич. М., 1996. Ч. II.